

П.С. Лемещенко, А.М. Сидорова

**НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И РЫНОЧНАЯ РЕФОРМА В БЕЛАРУСИ:
ЭВОЛЮЦИЯ, ПРОТИВОРЕЧИЯ,
СТРАТЕГИЯ**

Научное издание

МИНСК
“Мисанта”
2013

УДК 330.341.2(476)

ББК 65.010.1

Л44

Рецензенты:

С.В.Лукин, заведующий кафедрой бизнес-администрирования Института Бизнеса и менеджмента технологий БГУ, доктор экономических наук, профессор;

Ю.В. Валевиц, доцент кафедры теоретической и институциональной экономики БГУ, кандидат экономических наук, доцент

Рекомендовано Ученым советом экономического факультета Белорусского государственного университета 27 июня 2013 г., протокол № 9

Лемешенко П.С., Сидорова А.М.

Л44 Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси: эволюция, противоречия, стратегия: Научное издание / П.С. Лемешенко, А.М. Сидорова. – Мн.: Мисанта, 2013. – 99 с.

ISBN 978-985-6989-66-0.

Издание посвящено изучению неформальных институтов, их рамок и возможностей влияния на реформирование политико-экономических систем. В работе рассматривается природа неформальных институтов, основные направления их классификации, место, степень и механизмы созидательно-разрушительного потенциала к развитию стран.

Более детально изучается история, методики исследования и структура национальной экономической ментальности как важнейшего фактора, оказывающего доминирующее воздействие на стратегию политики реформ и траекторию социально-экономической динамики.

УДК 330.341.2(476)

ББК 65.010.1

© Лемешенко П.С., Сидорова А.М., 2013

ISBN 978-985-6989-66-0

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ КАК СУБСТАНЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ И КАТЕГОРИЯ НАУКИ	7
1.1 Конфигурация хозяйственной системы и место в ней неформальных институтов.....	7
1.2 Содержание, структура и классификация неформальных институтов..	13
2 НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК БАЗОВАЯ ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ	17
2.1 Понятие “ментальности”: общее, особенное, единичное.....	17
2.2 Значение и роль ментальности в социально-экономической динамике.....	23
2.3 Этнометрический подход к компаративному анализу хозяйственно-культурной ментальности.....	32
3 НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ КАК СТРУКТУРНАЯ КОМПОНЕНТА И РАМКИ СТРАТЕГИИ РЫНОЧНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	36
3.1 Ретроспективный анализ ментальных характеристик белорусского народа.....	36
3.2 Измерение экономической ментальности белорусов: аналитические традиции и современные методики	48
3.3 Неформальные институты и противоречия в реализации рыночной реформы в Республике Беларусь	68
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	73
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	77
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	82

ВВЕДЕНИЕ

Начало 90-х годов 20 века ознаменовалось глубокими экономическими реформами, которые затронули все “новые” страны, получившие политическую независимость после распада СССР. Разрушены были неформальные институты этой империи, но каждой молодому образованию пришлось искать свой путь развития, превращаясь из республики в страну. Прошла четверть века, исчез романтический реформизм, но процесс выбора и строительства эффективных институтов развития не завершился...

По сути, в основе реформ лежала идея трансплантации институтов из развитых стран, которые являлись некоторым образцом. Предполагалось, что для успешного развития и благополучия необходим переход на рыночный путь, предполагавшим простую имитацию и копирование образцов-институтов Европы и США.

Идея была объяснима, поскольку народам всегда хочется жить лучше, хотя это «лучшее» не всегда четко осознается без сравнения и переживания новых условий жизни. К тому же она всячески пропагандировалась международными организациями - Всемирным банком и МВФ, которые были отцами-основателями "Вашингтонского консенсуса", формулировавший вполне конкретные правила проведения реформ, обещающие, рано или поздно, “неизбежный” экономический рост, увеличение благосостояния народов и создание полноценной рыночной экономики со всеми вытекающими последствиями.

Но вскоре было выявлено, что эти правила в постсоветских экономиках «не работают», а точнее приобретают искаженное воздействие, которое диаметрально различается по последствиям в разных странах. Многие экономисты, социологи и пр. пришли к выводу, что основная причина такого воздействия – это антагонизм внедренных формальных и исторически сложившихся неформальных институтов, т.е. традиций, ментальных установок и иных сложившихся исторически норм и правил человеческого общения. Именно этим было обусловлено то, что реформы 90-х годов не принесли того эффекта, на который рассчитывали страны их проводящие.

Актуальность данной работы заключается в том, что дается анализ неформальных институтов, доминирующих на постсоветском пространстве и, в частности, в Республике Беларусь, которые препятствуют эффективному внедрению рыночных институтов и проведению соответствующих реформ. Это, в конечном счете,

обуславливает необходимость изменения стратегии реализации рыночных реформ в Республике Беларусь.

Данному вопросу зависимости «от предшествующего пути развития», уделяется достаточно большое внимание. В западной мысли подобные разработки велись антропологами (Е. Evans-Pritchard, Р. Бейтс Э. Колсон, Р. Познер; политологами (Дж. Зопэн, М. Калт, К. Шелпс, Б. Вайнгаст, Ф. Риггз, В. Эрлих); социологами (Р. Бойда (Boyd), П. Ричерсона, Г. Хофстед, Ш. Шварц, Э. Торндайк, Э. Уотсон, Ф. Тромпенаарс); экономистами (Д. Норт, Р. Томас, Б. Вайнгаст, Р. Нельсон). На постсоветском пространстве данное направление исследования изучают В.С. Агеева, З.В. Сикевич, П.Н. Шихирева, М.В. Грачева, психолог Л.А. Окольская, Я.И. Кузьминов, Эл. Панеях, А.М. Либман, Ю.В. Латов, Н.В. Латова, Р.М. Нуреев, В.А. Сумин, В.С. Магун, М.Г. Руднев и др.

Таким образом, объектом исследования выступают неформальные институты, исторически сложившиеся на постсоветском пространстве (в частности, в Республике Беларусь), их преемственность, а также общие тенденции их изменения в результате «оформления», т.е. приданию им внешних политико-экономических форм. Предметом же исследования является изучение влияния неформальных институтов на реализацию стратегии проведения рыночных реформ.

Гипотеза, выдвигаемая в данной работе: выявление противоречий неформальных институтов с одной стороны и проводимых реформ, начавшихся с “перестройкой” с другой, имеют первоочередное значение для определения причин неэффективной работы внедренных институтов и разработки дальнейшей стратегии проведения реформ.

Целью данной работы является выявление элементов неформальных институтов, препятствующих эффективному осуществлению рыночных реформ, а также определение современной белорусской ментальности на основе современных методик и ее сопоставление с другими странами.

Конкретные задачи:

- 1) Составить представление о степени научной разработки вопроса неформальных институтов и степени их влияния на социально-экономическое развитие всей системы и институциональную динамику;
- 2) Выявить степень значения неформальных институтов, определить их природу и классификацию;
- 3) Изучить национальную экономическую ментальность как главную детерминанту всей стратегии проведения реформ, ее значение и роль в институциональной трансформации социально-экономической системы;

- 4) Определить теоретико-методологическую основу категорий “ментальности”, “экономической ментальности”;
- 5) Изучить специфику этнометрического подхода к сравнению и анализу хозяйственно-культурной ментальности;
- 6) Проанализировать ретроспективный ментальный портрет белоруса;
- 7) Определить место Республики Беларусь на ментальной карте Хофстеда (модуль VMS 94);
- 8) Измерение национальной культуры (экономической ментальности) по методике Ф. Тромпенаарса;
- 9) Измерение экономической ментальности по методике З.В. Сикевича и элементов из методики Ш. Шварца;
- 10) Определение противоречий в реализации рыночной экономической реформы.

Методология и методы проведения исследования. Для достижения поставленных задач, в первую очередь, использовался междисциплинарный подход (наработки и достижения истории, социологии, психологии и т.д.). В работе используются ряд таких общенаучных методов, как анализ, синтез, индукция, дедукция.

Так же общим научным методом, использованным в работе, является метод эмпирического исследования, направленный на подтверждение или опровержения выдвинутой гипотезы результатами, полученными в ходе сбора эмпирического материала. Для сбора данных использовались два вопросника, приведенные в приложении А и М соответственно, которые состоят из вопросов, измеряющих пять основных элементов экономической ментальности согласно модулю, разработанному Г. Хофстедом, семь измерений согласно методике Ф. Тромпенаарса, основные элементы по методике З.В. Сикевича и Ш. Шварца. Данные были получены исходя из целевой выборки в различных социальных группах белорусов.

Теоретической базой исследования являются научные труды как западных, так и постсоветских ученых. В первую очередь, это работы Норта Д. “Институты, институциональные изменения и функционирование экономики”, Кириенко В.В. “Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы”, HofstedeG. *Cultures and Organization – Software of the Mind*, Наумов А.И. “Влияние национальной культуры на управление бизнесом”, HofstedeG. “Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations”. Так же ряд публикаций Латова Н.В, Латовой Ю.В., Либмана А.М., Большакова И.Г., Кузьминова Я.И., Радаева В.В., Яковлева А.Н., Ясина Е.Г., Сикевича З.В.

1 НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ КАК СУБСТАНЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ И КАТЕГОРИЯ НАУКИ

1.1 Конфигурация хозяйственной системы и место в ней неформальных институтов

В последнее время широко возрос интерес к исследованию институтов и их влиянию на экономическое развитие стран. Широко признано, что “институты имеют значение” и играют ключевую роль в понимании того, почему некоторые страны имеют более выгодное экономическое положение по сравнению с другими.

При исследованиях институтов основное внимание уделяется формальным правилам и механизмам их функционирования. Однако неформальные институты имеют гораздо больше влияния на поведение различных субъектов и его последствия. Исследователи, не принимающие во внимание изучение неформальных правил игры, упускают многие важные мотивации и стимулы, которые движут людьми, их ценности и ограничения, определяющие экономическое и неэкономическое поведение. Д. Норт писал в своем фундаментальном исследовании, что “даже в самых развитых экономиках формальные правила составляют небольшую (хотя и очень важную) часть той совокупности ограничений, которые формируют стоящие перед нами ситуации выбора; несложно увидеть, что неформальные правила пронизывают всю нашу жизнь” [32, с. 56].

Начиная преимущественно со второй половины 20-го века, активизируются научные исследования в данной области. В первую очередь, среди западных ученых. Причем, что характерно, можно классифицировать эти исследования по научным направлениям, сконцентрировавшим свое внимание на определенном аспекте общей проблемы.

В центре исследований антропологов была попытка объяснить, как первобытные, примитивные общества, в которых начисто отсутствовали формальные нормы и институты могли добиться практически безукоризненного поведения членов племени. Из антропологических исследований вытекало, что именно обычаи, привычки, общность взглядов регулировали жизнь всего племени, упрощая ее, делая поведение других людей более понятным. Выражаясь более формальным языком, антропологи делали акцент на координирующей функции неформальных

институтов. В частности, это исследования Е. Эванс-Притчард (Evanse-Pritchard)¹, Р. Бейтс (Bates)², Э. Колсон (Colson)³, Р. Познер (Posner)⁴.

В политологии также проводились определенные исследования на эту тематику. Хотя трудно представить целостную картину, но можно отметить, что был проведен ряд исследований о влиянии неформальных институтов на становление законодательной системы и концепции права. В целом, политология тесно связана с экономической наукой при изучении неформальных институтов. Так Дж. Зопэн (Zupan) и М. Калт (Kalt) в своей работе "Capture and Ideology in the Economic Theory of Politics" и К. Шелпс (Shepsle) and Б. Вайнгаст (Weingast) в "The Institutional Foundations of Committee Power" сделали вывод, что формальные институты есть продолжение неформальных и рассмотрели это на примере законодательной деятельности Конгресса США. Также Ф. Риггз (Riggs) в своей работе "Administration in Developing Countries: The Theory of Prismatic Society" 1964 года вывел теорию призматических обществ, в которой обратил внимание на "неправильное" функционирование рыночных институтов (в частности, он изучал законодательную и судебную системы, бюрократические структуры) в странах третьего мира. Основную причину этого он видел в существовании антагонизма между внедренными формальными и существующими неформальными институтами, который и заставляет рыночные институты работать "не так как надо". В западном мире существует концепция "юридического плюрализма" (В. Эрлих), согласно которой корни развития права следует искать не в юриспруденции, не в судебной системе, а в самом обществе и его традициях, привычках, обычаях. Именно они оказали решающее воздействие на образование последующих формальных институтов права. Эти идеи впоследствии легли в основу теории социального права, в учение различных англо-американских школ права и в западноевропейские модели происхождения права.

Многие аспекты неформальных институтов получили детальную разработку в социологии. В первую очередь стоит сказать о Максе Вебере и его работе "Протестантская этика и дух капитализма", где была сформулирована мысль об огромном влиянии на деятельность людей внеэкономических факторов. Хрестоматийной работой является также исследование в рамках социобиологии Р. Бойда (Boyd) и П. Ричерсона

¹The Nuer, Oxford: Oxford University Press, 1940.

²Beyond the Miracle of the Market: The Political Economy of Agrarian Development in Rural Kenya, Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

³Tradition and Contract: The Problem of Order. Chicago: Adeline, 1974.

⁴A Theory of Primitive Society, with Special Reference to Law, Journal of Law and Economics, № 23, 1-53.

(Richerson). Они пришли к выводу, что именно культура, которая передается путем обучения и имитации от одного поколения к другому и является важнейшим институтом, служащий базисом для построения любой схемы деятельности людей.

Социология в изучении неформальных институтов тесно связана с психологией. Все эмпирические социологические исследования основаны на изучении психологии поведения человека. Фундаментальное значение имеют труды З. Фрейда, К. Юнг. Наиболее известен американский психолог Дэвид Мак-Клелланд, который в своей работе “The Achieving Society. Princeton” (1961) проанализировал содержания хрестоматий по чтению для начальной школы в более чем 20 странах мира и выявил динамику ценностных изменений как в самом человеке, так и в государственной идеологии. Наиболее сильное влияние на изучение поведения людей оказал бихевиоризм (Э. Торндайк, Д. Уотсон, И.М. Сеченов, И.П. Павлов), который в частности изучал стимулы, как любое воздействие внешней среды и реакции людей на эти воздействия.

Все достижения в изучении неформальных институтов легли в основу дальнейшего их изучения экономической наукой. Экономические исследования на Западе сконцентрировались на изучении неформальных институтов как важных детерминант поведения людей и принятия ими хозяйственных решений. Нормы, обычаи, традиции, привычки оказывают влияние на принятие экономических решений субъектами хозяйствования и играют важнейшую роль в выборе институционального устройства, причем мотивы поведения людей гораздо сложнее, чем в упрощенных моделях принятия решений, описываемых на основе принципа максимизации полезности. Различные неформальные институты оказывают сильное воздействие, способное “побороть” рациональное поведение. В этом направлении широко известна работа Дугласа Норта “Институты, институциональные изменения и функционирование экономики”. Также этот вопрос затрагивался в таких его работах, как “The Rise of the Western World: A New Economic History” (вместе с Р. Томасом, 1973) и “The Evolution of Institutions Governing Public Choice in 17th Century England” (вместе с Б. Вайнгастом, 1989). В этом контексте неформальные институты изучал D. Nelson and E. Silberberg в своей работе “Ideology and Legislator Shirking”.

Международные организации также проводят исследования по этой теме. В частности, ОЭСР сконцентрировала свое внимание на попытке

концептуализации самого понятия неформальных институтов, разработке классификаций⁵.

Следует отметить, что экономическая наука в изучении влияния неформальных институтов вобрала в себя очень многое с вышеперечисленных наук. Так социология с наработками из психологии в первую очередь дала возможность количественного выражения различных аспектов неформальных институтов, что впоследствии легло в основу многих эмпирических экономических исследований. Существуют множество методик в социологии, позволяющих оценить и сравнить между странами существующий менталитет, этнические особенности народов, стереотипы поведения. Все это используется для изучения экономической ментальности, которая опосредует поведение людей в хозяйственной деятельности. Но если говорить о более значимых и популярных, то можно отметить методику Г. Хофстеда⁶, которая широко используется для выявления и сравнения ментальности разных стран, методику Ш. Шварца и В. Бильского (Bilsky) для изучения "латентных мотивационных типов ценностей"⁷. Распространенной и новаторской является методика голландского социального психолога Ф. Тромпенаарса⁸, изучавшего различия в хозяйственной культуре (по сути, в менталитете) для разработки основ взаимодействия компаний различных стран.

Подобными исследованиями занимаются различные исследовательские организации. Наиболее известная – это исследовательская программа по глобальному анализу лидерства и поведения в организациях GLOBE (Global leadership and organizational behavior effectiveness), которая началась в 1993 г. Она основывается на методике Хофстеда, дополняя и расширяя ее⁹. Так же известен проект

⁵Одна из первых работ по теоретическому рассмотрению неформальных институтов, которая проводилась под эгидой ОЭСР, была "Informal Institutions: What do we know, what can we do"

⁶Hofstede G. Culture's Consequences: Intern Differences in Work-related Volues, London, 1980.

⁷В частности, было проведено несколько этапов отработки вопросника и методики подсчета результатов несколько глобальных исследований. Итог этих исследований был представлен в статье Шварца Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries (в журнале Advances in Experimental Social Psychology, pp. 1-65, 1992) и "Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement" (вместе с Melech G., Lehmann A., Burgess S., Harris M., Owens V в журнале Cross-Cultural Psychology, 2001, Vol. 32, № 5.

⁸Hampden-Turner C., Trompenaars F. The Seven Cultures of Capitalism. L.: Piatkus, 1994.

⁹House R., Hanges P. Cultural influences on Leadership and Organizations. Project GLOBE // Advances in Global Leadership. 1999. Vol. 1, p. 171-33; Koopman P., Hartog D., Konrad E.

WVS (“Всемирное исследование ценностей”) под руководством Р. Инглхарта¹⁰, который ставил перед собой цель изучить динамические процессы — социокультурные и политические изменения, происходящие в современном обществе. Теоретической базой этого проекта является теория модернизации, которая воплощает в себе идеи многих ученых, сторонников формационных теорий.

На постсоветском пространстве также активно проводятся исследования неформальных институтов. Эти исследования активизировались с распадом СССР, и началом проведения рыночных реформ. В основном, исследования сконцентрировались на анализе духовной составляющей народов и ее соответствии проводимым реформам, в результате которых были имплантированы институты западных стран. С исторической позиции этим вопросом занимался Петр Золин в работе “Культурно-экономическая генетика россиян (кровь и мифы от палеолита)”. Он изучал этапы развития изменения генетики русского народа. З.В. Сикевич в книге “Национальное самосознание русских (социологический очерк)” изучал этнические характеристики русского народа и впоследствии провел исследования на адаптированность россиян к рыночным реформам. В этом же русле работают В.С. Агеева, З.В. Сикевич, П.Н. Шихирева, М.В. Грачева, психолог Л.А. Окольская¹¹.

Неформальные институты и их значение для экономических отношений стали объектом для изучения у экономистов. Этим вопросом занимаются Эл. Панеях (“Формальные правила и неформальные институты, их применение в российской практике”, “Неформальные институты и использование формальных правил: закон действия vs. закон применения”), Я.И. Кузьминов (“Наследие и пути модернизации”), А.М. Либман (“Институциональная конкуренция и постсоветская

National Culture and Leadership Profiles in Europe: Some Results From the GLOBE Study // *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 1999, Vol. 8, № 4.

¹⁰Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // *American Sociological Review*, Vol. 65, № 2, p. 9-51; Инглхарт Р. Культура и демократия // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу*. М.: Московская школа политических исследований, с. 106-128.

¹¹ Окольская, как и Дэвида Мак-Клелланда, сравнивала содержание российских школьных учебников для начальной школы в более близкий нам период и показала что в 2000-е годы в сравнении с позднесоветским временем (началом 1980-ых гг.) изменились ценности и нормы, которые демонстрировали школьникам персонажи учебных текстов. Свои выводы она представила в статье “Трудовые ценности и нормы в содержании учебников для начальной школы: сегодня и 20 лет назад” (журнал “Вопросы образования”, № 2, 2007, с. 68-85).

трансформация. Влияние неформальных институтов”). Огромный вклад внесли Ю.В. Латов и Н.В. Латова, в центре внимания которых находится преимущественно экономическая ментальность и ее влияние на экономику. Исследованием мотивов занимается В.А. Сумин (“Оценка рыночных норм поведения и взаимодействие индивидов”), а проблемой самосознания занимается Л.Г. Горичева (“Экономические проблемы и национальное самосознание”). Эмпирические исследования для сравнения базовых ценностей россиян и восточнославянских народов ведут В.С. Магун и М.Г. Руднев (“Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процесса социализации”, “Базовые ценности россиян в европейском контексте”).

Постсоветским исследователям характерен поиск ответа на вопрос: почему не работают формальные институты и правила в экономике и как на самом деле они работают.

Значимость неформальных правил также обусловлена тем, что одни и те же формальные институты в каждом обществе приводят к различным последствиям. После распада СССР появилось огромное количество исследований, посвященных быстрому внедрению (трансплантации) формальных институтов. Различные исследователи выясняли, каким образом политическое устройство, судебная система, законодательная и избирательная система и прочие формальные институты определяют и влияют на течение всех сторон политико-экономической жизни и на поведение людей, что, в конечном итоге, позволило сделать ряд важных выводов.

Но в скором времени исследования начали концентрироваться на том, почему в других странах (Латинская Америка, многие посткоммунистические страны, Африка и Азия) обычные механизмы работают по необычным схемам и в конечном итоге получаются искаженные, “карикатурные” результаты. Именно это различие в воздействии института на экономику в полной мере обуславливается наличием в каждой стране своих специфических неформальных институтов, которые сложились согласно национально-историческому пути развития. Более того, неформальные институты обладают гораздо большей силой, чем формальные.

Этому можно найти множество подтверждений. В Японии существуют принципы амакудари (“небесное происхождение”), согласно которым бывшие государственные чиновники получают ведущими должностями в частных фирмах.

Долгое время в Мексике президенты избирались не по конституции, а по принципу “dedazo” (“большой палец”) – неписаных правил игры, которые давали действующему президенту право выбирать себе

преемника, определяли круг потенциальных кандидатов и запрещали другим, вне данного круга, открыто заявлять о своем желании баллотироваться.

Для Средней Азии общеприняты нормы и правила поведения на основе традиционных клановых отношений, а быстро созданные конституционные законы, нормы поведения, не применяются на практике и теряют свой смысл. Да и в странах на постсоветском пространстве сосуществуют теневые отношения вместе с новыми рыночными институтами [46].

К настоящему времени в науке проблема неформальных институтов изучена весьма глубоко. Причем разными науками с разных сторон.

1.2 Содержание, структура и классификация неформальных институтов

Перед тем, как дать определение неформальным институтам, поясним, что такое институт. Наиболее полное определение институтам дал Дуглас Норт в своей книге “Институты, институциональные изменения и функционирование экономики”, определив институт как “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком, ограничивающие рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми [32, с. 17]. Также Д. Норт там же четко разделил институты на формальные и неформальные, хотя он предпочитал использовать термин “неформальные ограничения”.

По Д. Норту неформальные институты – это правила поведения, которые в виде традиций или привычек воспроизводятся без вмешательства третьей силы [32, с. 56].

При этом стоит отметить, что исторически сложилось три подхода к определению неформальных институтов.

Первый подход условно можно назвать “культурным”. Его сторонники практически приравнивают неформальные институты непосредственно к культурным традициям (Tabellini, Kerekes)¹² [52].

Другой подход основывается на том, что вся совокупность государственных организаций и учреждений, а также установленные государством правила - это формальные институты. А правила поведения

¹²В частности, проводились исследования (в том числе построение эконометрических моделей) в которых культура “раскладывалась” на 4 аспекта: управление, уважение, доверие и послушание.

людей и организаций в рамках гражданского общества – неформальные (J.Keane, J. Cohen) [44].

Третий подход акцентирует внимание на различиях между неформальными нормами, которые устанавливаются сами собой, и формальными правилами, насаждаемыми третьей стороной [46].

Видно, что эти подходы рассматривают разные стороны неформальных институтов. Поэтому на современном этапе ученые объединяют три подхода.

Итак, обобщая все выше сказанное, делаем вывод, что неформальные институты – это неписанные, общепринятые в обществе правила и нормы, которые создаются, закрепляются и используются преимущественно “вне официальных каналов”.

Обычно основным критерием классификации неформальных институтов является их взаимодействие с формальными институтами.

В науке существует два подхода к данной классификации: функциональный и дисфункциональный [46].

Согласно позиции первого подхода, неформальные институты имеют преимущественно функциональное значение, т.е. главная их задача обеспечить взаимодействие и координацию, тем самым повышая эффективность и качество формальных институтов. Второй подход принимает неформальные институты за дисфункциональные, которые постоянно создают проблемы и препятствуют работе формальным. Но в реальной практике взаимоотношение формальных и неформальных институтов гораздо более сложное, чем описанное в данных подходах [46]. В настоящее время наибольшей популярностью пользуется классификация, предложенная Helmke G., Levitsky S., представленной в таблице 1.

Таблица 1 Классификация неформальных институтов

	При эффективных формальных институтах	При неэффективных формальных институтах
Цели формальных и неформальных институтов “совместны”	Дополняющие	Замещающие
Цели формальных и неформальных институтов “расходятся”	Аккомодационные (приспосабливающиеся)	Конкурирующие

Примечание - Источник: составлено по [46, с. 5]

Дополняющие неформальные институты проявляются тогда, когда в обществе преобладают эффективные формальные институты, к которым существует высокое доверие. Проявляется высокая конгруэнтность между

формальными и неформальными институтами. Именно это сочетание делает развитие экономику наиболее эффективной.

Аккомодационные неформальные институты присутствуют, когда формальный институт достаточно эффективен и легитимен для общества, но не совсем устраивает правящую элиту результатами своей деятельности. Как пример, можно привести выборы президента России. Хотя президентские выборы достаточно популярны и явка на них обычно большая, по-настоящему президент выбирается политической элитой из их же круга. Суть выборов состоит в признании публично того кандидата, который был определен элитой заранее.

Замещающие неформальные институты становятся преобладающими, когда государство не в состоянии поддерживать эффективность и доверие граждан к официальным институтам, т.е. существует явное противоречие между формальными и неформальными институтами. Причем впоследствии возможно два исхода: неформальные правила игры будут настолько сильны, что, в конце концов, “переселят” действие формальных и приведут к их замене другими формальными институтами, более гармонизированными с неформальными, или же просто будут “подрывать” деятельность формальных.

Конкурентные неформальные институты преобладают, когда формальные институты неэффективны и их неэффективность очевидна, но они продолжают поддерживаться государством в силу того, что более эффективный неформальный институт связан с нарушением юридических или моральных норм и поэтому не может быть легализован [46, с. 7].

Наличие нерешенных социально-экономических проблем в Республике Беларусь, во многом связанные с неэффективным и забюрократизированным государственным аппаратом, привело к падению доверия граждан к государственным институтам и организациям. Население обращается к неформальным сетям, которые хоть и нелегально, но решают их повседневные проблемы гораздо быстрее и дешевле, чем государственные (легальные) структуры.

В отличие от формальных институтов, неформальные институты не могут возникнуть мгновенно “по заказу”. Они выступают, как продукт спонтанной эволюции и свободного выбора людей. Они основаны на эмоциональных, религиозных, этнических факторах [25, с. 54].

Исследователи выделяют три основные причины существования неформальных институтов: отсутствие формальных правил, общий характер формальных правил, экономическая нецелесообразность.

При отсутствии формальных правил только неформальные правила являются единственным регулятором взаимодействия между людьми и снижения неопределенности. Обычно такое положение наблюдается в

безгосударственных обществах. В цивилизованных обществах эти правила действуют там, где, в принципе, не могут быть созданы формальные правила.

Под общим характером формальных правил подразумевается, что формальные правила имеют обобщенный характер и требуют дополнительных разъяснений. В этих ситуациях именно неформальные правила имеют интерпретивную функцию применительно к конкретным ситуациям (например, деловая этика).

В случае экономической нецелесообразности формальные институты-правила могут просто вытесняться более эффективными неформальными, принося больше полезности хозяйствующим агентам [38].

Также можно выделить, как одну из причин существования неформальных институтов, историческую обусловленность и инертность развития.

Таким образом, неформальные институты как научная категория рассматриваются многими учеными различных отраслей наук уже достаточно давно. В истории, политологии, психологии, социологии, антропологии были изучены и изучаются различные аспекты неформальных институтов. Многие их выводы и достижения впоследствии были взяты и экономической наукой. Ученые-экономисты в первую очередь изучают влияние неформальных институтов на поведение людей, принятие ими решений, а также воздействие, которое оказывают неформальные институты на эффективность деятельности формальных. С началом 90-х годов (после распада Советского Союза) широкое распространение получили исследования, касающиеся роли неформальных институтов в ходе, логики и результатах институциональных трансформаций. На современном этапе данная категория достаточно детально изучена как учеными, так и международными организациями, определена природа, структура и подход к классификации неформальных институтов.

2 НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК БАЗОВАЯ ДЕТЕРМИНАНТА СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

2.1 Понятие “ментальности”: общее, особенное, единичное

Для того, что бы четко определить, что такое экономическая ментальность, необходимо начать с самого понятия ментальности и истории его возникновения, так как изучение ментальности экономической наукой основывается на теоретических и практических наработках в других сферах. В первую очередь, это касается истории, культуроведения, психологии, социологии, этнопсихологии, философии.

В современной науке под ментальностью (менталитетом) понимают социально-культурный сознательно-бессознательный феномен, который представляет собой слой исторической памяти, “спрессованного” социального опыта как предыдущих, так и ныне живущих поколений, предопределяющий синхронизацию переживаний и алгоритмов социального действия большинства членов социума, обеспечивая его целостность в пространстве и времени в различных, в том числе и в критических, условиях общественного развития [3, с. 90]. Но сама по себе данная категория прошла долгий путь эволюции.

Общетеоретические аспекты разработки понятия ментальности можно в определенной степени найти у философа И. Канта, социолога и философа Э. Дюркгейма, психолога, антрополога, социолога, историка Г. Лебона, философа М. Хайдеггера, психологов К.Г. Юнга и З. Фрейда, социолога и философа Э. Фромма, философа, историка и культуролога М. Фуко¹³. В их работах содержатся важные выводы, которые легли в основу дальнейших разработок данной проблемы.

Так Э. Дюркгейм был одним из важнейших разработчиков этого феномена и его теоретическим предшественником. Изучая развитие общества, он пришел к важному выводу, что связующим звеном, которое характеризует социум в пространстве и времени, являются коллективные представления, которые оформляются и поддерживаются социумом в течение нескольких поколений. Причем эти коллективные представления не просто сумма индивидуальных, а некое общее чувство, которое

¹³ Кант И. Критика чистого разума; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Лебон Г. Психология народов и масс; Хайдеггер М. Бытие и время; Юнг Г.Г. Психологические типы; Фромм Э. Бегство от свободы; Фуко М. Слова и вещи; З. Фрейд “Моисей и монотеизм”, “Психология масс и анализ человеческого Я”;

вырабатывается между людьми, долго проживающих на одной территории и вынужденных ежедневно взаимодействовать друг с другом. Согласно Дюркгейму при изучении общества необходимо учитывать “дилемму”: соотношение индивидуального и коллективного, что в конечном итоге определяет путь развития общества [50].

Предполагая приоритет социальных механизмов над индивидуальными, Дюркгейм делает важный вывод, что социальный феномен не зависит от личных качеств и природы индивидов. То социальное состояние, которое возникает, сглаживает и нейтрализует все индивидуальные признаки. Именно поэтому народ можно назвать общностью, а не просто группой людей, проживающей на определенной территории. “Если все сердца бьются в унисон, то это не вследствие самопроизвольного и предустановленного согласия, а потому, что их движет одна и также сила и в одном и том же направлении. Каждого увлекают все” [3, с. 86].

Методологической ценностью обладают труды К.Г. Юнга. Он, как и Дюркгейм, сконцентрировал свое внимание на изучении коллективного представления, которое он обозначил как коллективное бессознательное, под которым понимал скрытые слои памяти человечества, состоящие из мощных образов – архетипов. Именно архетип имеет ключевое значение для понимания ментальности как подавляемой коллективной памяти [3, с. 87]. Ментальность, по сути, по Юнгу есть нечто среднее между сознательным бытием и бессознательной, инстинктивной памятью. Ментальность обеспечивает целостность и закономерность общественного развития, перекидывая как бы мост между первобытными временами и современностью¹⁴.

Важные теоретические выводы сделал социолог Т. Парсонс. Он сформулировал фундаментальный вывод о реальности системы социального действия. Система взглядов создается и постоянно поддерживается различными поколениями больших социальных объединений людей, при этом базовые, первичные элементы остаются практически неизменными и выполняют функции аналогичные функциям биологических генов [3, с. 88].

Но перечисленные выше авторы, хотя и внесли большой вклад в становление этого понятия, все-таки не фокусировали на нем внимание как на центральном элементе исследования.

¹⁴ В целом Юнг связывал менталитет с биолого-психологической предопределенностью личности. Эти разработки позже легли в основу изучения инвариантности личности (экстраверсия и интроверсия).

Ментальность как научная категория была впервые сформулирована исторической школой “Анналы”¹⁵. Именно эта школа увидела в менталитете систему образов и представлений различных социальных групп, в которых все элементы тесно связаны друг с другом и “помогают друг другу” в регулировании поведения людей. Причем на разных этапах своего развития содержание этой категории менялось. Школа “Анналов” прошла в своем становлении и развитии четыре этапа или волны. Первый этап начинается с 1929 г. с началом разработки категории “ментальность” Марком Блоком и Люсьеном Февром. На следующем этапе ведущую роль играл Фернан де Бродел¹⁶. Против его выводов выступили историки третьей волны: Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, М. Вовель и другие. Именно на этой стадии и появились первые теоретические работы по проблеме ментальности. Ранее данное понятие применялось скорее на уровне интуиции, чем теоретически продуманно. С 80-х годов XX века начинается четвертый этап развития “Анналов” [40].

Термин “ментальность” впервые ввел в научный оборот французский философ, социолог, этнограф Л. Леви-Брюль в 1922 г. в работе “Первобытное мышление”. На его работы оказало сильное влияние труды Дюркгейма о “коллективном представлении”. Применял он его с “уничижительным оттенком и воспринимался как сознание первобытных людей, детей, а также «простецов» противостоящих «высоколобым творцам»” [40]. Центральной особенностью менталитета считалось его нечувствительность к логическим противоречиям, зафиксированным в преданиях, мифах и сказаниях. Говоря языком Фрейда, менталитету присуще амбивалентность.

Если систематизировать взгляды авторов школы “Анналы”, то перворазработчики категории “ментальность” (от позднелат. *mentalis*, где лат. *mentis*-ум, *alis*-другие; от франц. *mentalite*, - образ мышления) понимают под ней систему образов, которые лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в нем, тем самым определяя мысли, поведение и поступки людей [3, с. 88]. Это значит, что у каждого общества есть общий психологический стержень, который позволяет всем его членам воспринимать окружающие вещи и явления более или менее одинаково, т.е. ментальность – это не просто набор характеристик, а

¹⁵ По названию научного журнала “Анналы экономической и социальной истории”, вокруг которого сгруппировались исследователи, поставившие в центр внимания изучение ментальности.

¹⁶ Предложил анализировать два уровня “структур” в жизни любого общества: структуры жизни материальной и нематериальной, охватывающей человеческую психологию и каждодневные практики. Второй уровень был назван им “структурами повседневности”. Именно в них, полагал Ф. Бродель, формировались ценности и символы веры человека определенной эпохи.

целостная система взаимосвязанных качеств, закладывающая в основу поведения людей общее основание. Также следует отметить, что, несмотря на разнообразие исследований на эту тему в рамках этой школы, в основном исследования имеют психологическую окраску.

Также на современном этапе изучением ментальности занимаются К. Леви-Стросс, Ж. Дюби, Ф. Арьесом, У. Раульфом, Ж. Ле Гоффом, П. Берком, П. Динцельбахом, Дж. Лакоффом¹⁷. Они исследуют менталитет с разных сторон (психологической, социологической) и пытаются найти ответ на вопрос о взаимосвязи неизменной части менталитета с его изменяющейся частью (изменением самого менталитета).

Подводя итог развитию категории “менталитет” можно сделать вывод, что хотя сейчас в западной мысли проводятся попытки синтезировать и интегрировать различные научные подходы и объединить общенаучные позиции (К. Бюлер, В. Фон Гумбольдт, А. Вежбицкая, М. Коула¹⁸), все равно единого общенаучного определения менталитета, его функций, особенностей пока не существует. Одни считают, что менталитет – “психологическая оснастка” единой социальной общности (исследователи школы “Анналы”), другие – коллективное бессознательное (К. Юнг, В. Кантор), третьи видят в менталитете не связь с бессознательным, а, наоборот, с сознанием человека (П. Динцельбахер) [З, с. 92]. Итак, в западной науке менталитет – нечто общее, то, что лежит в основе как сознательного, так и бессознательного, логического и интуитивного, рационального и эмоционального. Менталитет является глубинным, трудно фиксируемым источником мышления и эмоций. Это понятие тесно соприкасается с феноменом национального разнообразия и различиями в траектории развития разных стран и народов.

В постсоветских странах целенаправленно исследования на эту тему активизировались лишь с распадом СССР и необходимостью поиска своего собственного пути развития.

Некоторые элементы исследований духовных характеристик белорусского народа можно найти еще в 16 веке. Так знаменитая поэма Николая Гусовского “Песня про зубра” содержит описание духовных особенностей белорусского народа. В 19-первой половине 20 века многие историки, этнографы в своих трудах затрагивали вопрос историко-

¹⁷ Леви-Стросс К. – Структурная антропология; Дюби Ж. – История ментальностей; Арьес Ф. – История ментальностей; Ле Гофф Ж. – Ментальности; Двусмысленная история; Берк П. – Сила и слабости ментальностей; Динцельбахер П. – История ментальностей в Европе. Очерки по основным темам; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем;

¹⁸ Бюлер К. – Теория языка. Репрезентативная функция языка; Гумбольдт В. фон – Язык и философия культуры; Вежбицкая А. – Язык. Культура. Познание; Коула М. – Культурно-историческая психология: наука будущего;

культурного наследия белорусов: М. Довнар-Запольский, М. Никифоровский, П.В. Шейн, Е.Ф. Карский (отец белорусской этнографии), Ф.Ф. Федоровский, А.А. Смолич, В.У. Ластовский. Они изучали помимо истории и языка, национальные особенности белорусского народа и те общие черты, которые характерны именно для этого этноса и отличают его от других народов. С помощью этих исследований пытались обосновать путь развития белорусского народа и белорусской государственности.

У истоков изучения особенностей российского народа стоят такие мыслители, как Владимир Мономах, Нил Сорский, Г. Сковорода. Большой вклад в разработку проблемы своеобразия русского народа внесли П.Я. Чаадаев, А.С. Хомяков, В.С. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.А. Бердяев, Ф.М. Достоевский, Н.О. Лосский, К.Д. Кавелин, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Д.Н. Овсянко-Куликовский. Эти мыслители конца XIX – XX веков в своих трудах занялись анализом противоречивых сторон русского характера, что и составляет особую, специфическую черту его ментальности [37]. Они занимались загадкой русской души.

В годы тоталитаризма было недопустимо употребление данного термина в научных публикациях. Впервые возможность диалога и обсуждения проблемы ментальности была представлена на международной конференции в 1989 года в Москве “Школа ”Анналы”: вчера и сегодня”. А в 90-х в журнале “Вопросы экономики” была организована дискуссия на тему российской ментальности. В ней принимали участие Г.Д. Гачев, И.К. Пантин, А.С. Панамарин [41]. Это позволило возродить интерес к исследованию проблемы менталитета и его влияния на различные стороны общественной жизни. Подобные исследования начали активно проводиться в постсоветских странах.

В России исследования на эту тему проводятся А.Я. Гуревичем, В.П. Кожевниковым, Б.В. Марковым, И.Г. Дубовым¹⁹. Создание единой концепции менталитета была предпринята журналом “Вопросы философии”. Это нашло отражение в ряде диссертаций М.Ю. Шевякова (“Менталитет: сущность и особенности функционирования”), М.А. Шенкао, В.М. Сторчак (“Архетип и ментальность в контексте религиоведения”), Ф.Т. Аутлевой (“Ценностно-нормативные ориентиры русского менталитета”), Г.А. Орлова (“Российская бюрократическая ментальность”), А.И. Грищук (“Философский анализ ментальности: содержание и методы исследования”), Э.А. Корнейчук (“Менталитет: истоки и исторические формы”) и т.д. Тем не менее, эти исследования так и не смогли выработать единой позиции по сущности данной категории и

¹⁹ Гуревич А.Я – Исторический синтез и “Школа ”Анналов”; Кожевников В.П. – Ментальность Российской цивилизации; Марков В.П. – Разум и сердце: История и теория менталитета; Дубов И.Г. – Ментальность россиян.

ее содержания. Одни рассматривают ментальность как систему способов оценивания (М.Ю. Шевяков), для других ментальность – это комплекс устойчивых свойств индивидов (Ю.Б. Смирнов “Эволюция и особенности ценностно-нормативных западноевропейской и российской ментальности” и Ф.Т. Аутлева). Ряд исследователей связывают ментальность с этнической составляющей, этническим самосознанием (М.М. Балыков, В.П. Уланов, О.В. Рядов)²⁰.

В Республике Беларусь также на современном этапе проводятся исследования на эту тему. Достаточно много работ можно найти в журнале “Социология” (Кириенко В.В., Лученкова Е.С., Смирнова Р.А., Булышко Д.М., Данилова А.Н., Ротман Д.Г.²¹, Котляров И.В. и т.д.).

Проводятся систематические эмпирические исследования (Данилова А.Н., Ротман Д.Г. и т.д.). Важное место в исследованиях занимает изучение славянского менталитета (Е.М. Бабросов, И.В. Котляров, В.В. Кириенко, Козловский В.В.). Также был издан ряд монографий и публикаций на тему белорусской ментальности: Ракіцкі В. “Беларуская Атлянтыда: рэаліі й міты эўрапейскай нацыі”, Коршук А.У. “Ключавыя каштоўнасці беларускай культуры”, Горский А.В. “Русская истории: проблемы менталитета”, Капытка А.І. “Аб зменах беларускага характару ў сучасных сацыя-культурных трансфармацыях”, Чернявская Ю. “Белорусское самосознание: парадокс как путь к генеалогии”, Ширков Ю.Э. “Ментальная матрица и стиль белорусской культуры” и т.д.

В целом, подводя итоги развития и исследования данной категории, можно сделать вывод, что все работы и на Западе и в постсоветских странах при разработке данной категории разделяются условно на три подхода [З, с. 89-90]:

1) Культурологическое направление. Представители данного направления рассматривают ментальность как совокупность представлений и воззрений людей, проживающей на одной территории и в определенную эпоху. Ментальность рассматривается как коллективное сознание, опосредованное социальной средой.

2) Психологическое направление. Менталитет – это система взглядов, оценок, раскрывающихся на индивидуальном уровне и

²⁰ Балыков М.М. – Этнокультурная ценность как социально-философская проблема; Уланов В.П. – Этнонациональные идеологии; Рядов О.В. – Национальная идентичность: гендерный аспект.

²¹ Кириенко В.В. - Менталитет как социологическая категория: предметное поле, структура, функции; Лученкова Е.С. – Ментальность как предпосылка формирования определенного типа политической культуры; Смирнова Р.А. – Рыночный менталитет белорусского крестьянства: миф или реальность; Лученкова Е.С., Смирнова Р.А., Булышко Д.М., Данилова А.Н., Ротман Д.Г. – Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте “Исследование европейских ценностей”.

основывающихся на бытующих в определенном обществе знаниях, традициях и верованиях. Важно чертой менталитета является то, что он задается архетипами коллективного бессознательного.

3) Социологическое направление. Ментальность рассматривается как исторически обусловленные социальные настроения и установки, сложившиеся в конкретных условиях. Менталитет определяет опыт и поведение, как индивида, так и социальных групп.

Основными свойствами менталитета, характерными для всех направлений и определяющими саму его сущность является [4, с. 25-32]:

- 1) Латентность – скрытость от непосредственного наблюдения;
- 2) Константность – устойчивость и воспроизводимость в любых условиях, в том числе и кризисных;
- 3) Амбивалентность - двойственность, противоречивость проявления;
- 4) Взаимосвязанность и агрегатность – проявление в качественной системности характеристик менталитета;

Общепринятыми характеристиками ментальности (вне зависимости от конкретного направления) являются [24, с. 347-374]:

- ✓ Ментальность – характеристика социума в целом, обобщенный и абстрактный признак, который усредняет все индивидуальные признаки и превращает общество в примерно однородную массу.
- ✓ Ментальность – результат исторического развития общества.
- ✓ Ментальность – наиболее скрытая, глубинная, неотфлексированная часть общественного сознания, основанная на бессознательных и подсознательных механизмах.
- ✓ Содержание ментальности – латентные, скрытые ценностные взгляды и ориентиры (картины мира, стереотипы сознания).
- ✓ Ментальность – устойчивая характеристика, которая очень медленно подвергается изменению. Также можно отметить, что ментальность, является одним из главных детерминант любого поведения людей.

2.2 Значение и роль ментальности в социально-экономической динамике

Рыночные реформы, начавшиеся в конце 90-х гг. в постсоциалистических странах, тесно соприкасаются с проблемой институционального строительства. А. Олейник выделил две стратегии такого строительства: генетическую и телеологическую [28, с. 18-28].

Генетическая стратегия основана в первую очередь на учете исторической траектории развития неформальных институтов, т.е. делается акцент на постепенное, закономерное изменение; реформы имеют эволюционный характер.

Телеологическая стратегия подразумевает просто трансплантацию институтов, которая основана на процессе заимствования институтов. За основу берется модель более успешных стран, которая механически копируется.

Практически все страны начали с телеологической стратегии. Это было обусловлено рядом факторов [17, с. 167-171]:

- сыграл важную роль временной фактор. Необходимо было в короткие сроки “избавиться” от командно-административной системы;
- изначально была поставлена цель – социально-рыночная экономика по европейскому образцу.

Но постепенно, после того, как четко проявились многие негативные последствия такого имплантирования институтов, ученые обратили внимание на факторы, которые раньше ускользали из анализа. Проводя рыночные экономические реформы, стало понятно, что просто копирование институциональной системы не дает таких результатов, как планировалось изначально. В первую очередь причиной этому был неучет “исторического наследия” и ограничений, накладываемых неформальными институтами.

Неучет этих факторов привел к хаотичности, разрозненности, неустроенности последствий этих реформ [26, с. 32-37].

Именно поэтому уже в начале 90-хх, многие исследователи начали говорить о неудаче рыночных реформ и их негативном влиянии, а также популярной стала идея перехода на генетический путь институционального строительства. Для этого необходимо знать особенности исторического развития и их влияние на современное состояние, а также особенности самой нации.

Современная Республика Беларусь представляет собой общество, которое еще до конца не сформировала свою целостную систему мировоззрения. К тому же с одной стороны довлеет 73 года СССР, с другой – проникновение рыночного мировоззрения, что уже само по себе вызывает противоречия и антагонизм и приводит к весьма неожиданным последствиям. Поэтому при всяких коренных преобразованиях нужно учитывать влияние такого неформального института как ментальность (в частности, экономическая ментальность), которая является базовой характеристикой любого общества и определяет все фундаментальные, коренные изменения жизни народа, непосредственно связанные с ценностными суждениями, нормами, представлениями, стереотипами

поведения. Следовательно, на весь хозяйственный уклад жизни народа и на его адаптированность к различным преобразованиям, влияет экономическая ментальность.

Так если только взглянуть на историю, то можно обнаружить этому немало примеров. Всем известный “дух капитализма и предпринимательства”, торжествующий на Западе был порожден духовным протестантизмом, рационалистическим мышлением, которые в свою очередь были порождением историко-культурного развития западной цивилизации. Постсоветским странам (особенно тем, которые находились в составе Российской империи) характерно было купечество (аналог западным предпринимателям), которому не было свойственна бережливость и скромность (главные факторы накопления)²² и которым приходилось жертвовать средства на бедных, на церковь (обязательная десятина) и на себя (им была характерна жизнь “на широкую ногу”). Для славянской культуры характерно более терпимое, чем на Западе, отношение к неудачникам в экономической деятельности. Если для западной культуры успех воспринимается как результат собственных усилий и достижений, то в славянской культуре успех – это в основном следствие везения (это видно даже из сказок, которые, пожалуй, являются отражением страхов, верований, эмоций людей, т.е. в упрощенном варианте, менталитета). В западных сказках побеждал неизменно предприимчивый и целеустремленный герой-одиночка, в славянских преимущественно выигрывает безынициативный и бездеятельный, но добрый и удачливый герой с помощью своих верных друзей. Если на Западе, как следствие долгой идейной эволюции, собственность являлась условием независимости человека, то наличие собственности у человека в славянской экономике означало его “привязывание” и полное подчинение государству. В славянской традиции на уровне индивида и группы была ограничена возможность планирования своей жизни, т.е. в первую очередь деятельность была направлена на достижение краткосрочных целей, а будущее тесно переплеталось с мечтами “о золотой рыбке”, которая за мгновение без труда исполнит любых три желания. Западный человек старается взвалить на себя лишь посильное ему, и склонен к целерациональному поведению. Славянский человек готов на словах покорить мир и достичь всего, а на деле боится труда и риска и старается жить настоящим, а не будущим.

Даже этих нескольких примеров достаточно, чтобы увидеть, насколько важно знать историко-культурную траекторию развития стран.

²² Этот вопрос был подробным образом изучен Максом Вебером в “Протестантской этике и духе капитализма”, в которой были детально изложены “религиозные санкции”, сыгравшие не последнюю роль в становлении капитализма.

Налицо взаимосвязь: если экономическая система соответствует ментальности народа, то работает она более эффективно. Ведь именно историческая, психологическая и культурная детерминанта определяет почву для набора идей и системы ценностей, которые впоследствии во многом и определяют политико-экономическую жизнь страны.

Как было уже сказано выше, в начале 90-х годов началась ускоренная трансформация всех постсоветских стран. Условно ее можно разделить на три направления [42, с. 295]:

- экономическое: взамен закрытой плановой экономики появилась открытая рыночная;
- политическое: взамен тоталитарной коммунистической системы появилась система демократическая, постепенно ставшей демократией управляемой;
- национальное: из многонационального, но единого Советского Союза, которому уже была свойственна своя ментальность и устоявшиеся неформальные и формальные правила игры “возродились” ранее потерявшие свою независимость страны.

При всех трансформациях наибольшее внимание уделялось первым двум направлениям. На третье начали обращать внимание только тогда, когда начали задаваться вопросом: если все делаем вроде правильно и с помощью зарубежных консультантов, то почему все выходит не так, как изначально планировалось?

Усугублялось это тем, что, хотя начало перестройки, которая предшествовала началу реформ, сопровождалось ломкой мировоззрения общественности, реформы начали происходить сугубо “сверху”, причем заметно опережая постепенные изменения первого. Все это вызвало заметное непонимание этих реформ не только населением, но и самих реформаторов [42, с. 295].

Все это вызвало заметное непонимание этих реформ не только населением, но и самих реформаторов [42, с. 295].

Проблема белорусской трансформации заключается в том, что процесс всего институционального строительства шел неравномерно и бессистемно, основные институты были формально перенесены в Республику Беларусь извне, без учета специфики политической и экономической культуры страны. При этом не учитывалось, что культура и неформальные устои оказывают огромное влияние на формирование и последующее функционирование политических и экономических институтов. В процессе переноса институты насаждались сверху, не опираясь на принципы эволюционизма.

Многие вводимые институты не успевали закрепляться в обществе, развиваться, оказывались недостаточно эффективными, что привело к

замене институциональных отношений неформальными способами приспособления к новым обстоятельствам жизни [14, с. 70-73].

Одним из факторов таких неудач было то, что в учет не принималось экономическое культурное наследие стран, которое, несмотря на то, что все они были в составе СССР, сильно различалось.

Мотивы, модели поведения, само экономическое сознание, которое определяется многими факторами (культурными особенностями, этнопсихологическими характеристиками, типом экономической эпохи) – все это определяет и адаптированность любых трансформаций (рисунок 2.1).

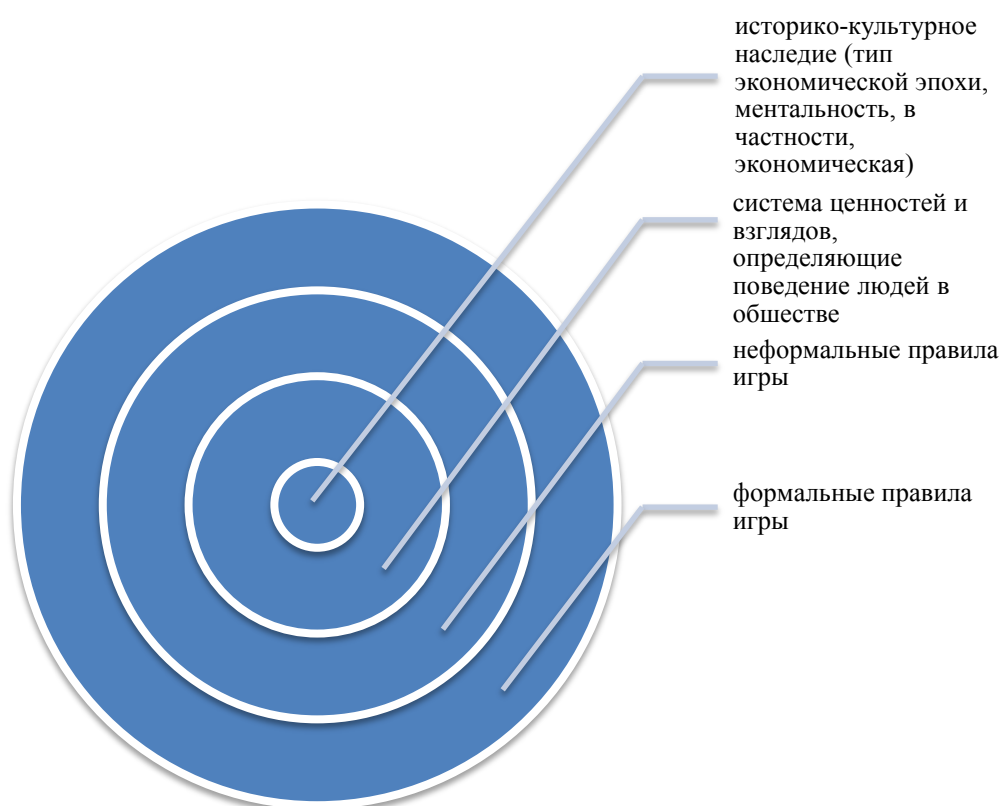

Рисунок 2.1 – Структура института

Примечание - Источник: собственная разработка

Историко-культурное наследие (тип экономической эпохи, ментальность, в частности, экономическая) является цементирующим элементом, который объединяет людей в общность. Именно тут находятся глубинные психологические установки, их реакции, стимулы, стереотипы поведения. Это, по сути, бессознательный уровень, который зачастую

выпадает из исследований, но играет первичную роль в любых преобразованиях²³ [17, с. 167-168].

Именно данный бессознательный уровень формирует систему ценностей, вполне осознаваемую, которой руководствуется человек или группа людей в принятии решений.

Впоследствии система ценностей образует неформальные правила игры, которые представлены в обществе социальными нормами, а формальные – закрепляются юридическими документами.

Из этой схемы видно, что проведение фундаментальных преобразований требует изменения в самом ядре социально-экономической системы. И даже в том случае, когда реформаторы на постсоветском пространстве понимают и пытаются учитывать весь набор институтов, они зачастую не учитывают органическую сложность и комплексность системы. Вследствие чего они не учитывают следующие факторы: системность и тесную взаимосвязь всех институтов между собой, неоднородность их состава [20, с. 9].

Более того, понимание взаимосвязи и взаимообусловленности формальных и неформальных изменений является ключом к пониманию всей динамики институциональных трансформаций, вопросу, имеющему большое значение для постсоветских стран. Провал на практике экономических реформ начала 90-х гг. стимулировал возврат интереса к изучению проблем социокультурной обусловленности хозяйственной деятельности [19, с. 44-57].

Многие исследователи видят именно в неформальных институтах (в особенности ментальности) институциональный “скелет”, содержащий весь генетический материал, обеспечивающий социальное воспроизводство данного типа [16, с. 50-55]. Менталитет определяет сущность всей системы, соотношение формальных и неформальных институтов, неизменность и одновременно с этим предпосылки к институциональным изменениям.

Именно наличие неформальных институтов является своеобразным тормозом на пути любых быстрых качественных преобразований. Экономика не может повернуть свое направление внезапно [43] (хотя неоклассическая теория предусматривает такой случай как результат радикального изменения в относительных ценах или результатах деятельности).

А. Олейник в учебнике “Институциональная экономика” так определяет категорию экономическая ментальность:

²³ Доказательством первичного влияния бессознательного на поведение людей и их реакции наиболее полно представлены в психологии (К.Г. Юнг, З. Фрейд, А. Фрейд).

Экономическая ментальность - характеризует специфику сознания населения, которое складывается исторически и проявляется в единстве сознательных и несознательных ценностей, норм и установок, которые отображаются в поведении населения. Она включает стереотипы потребления, нормы и образцы взаимодействия, организационные формы, ценностно-мотивационное отношение к работе и богатству, а также степень восприимчивости (или невосприимчивости) к зарубежному опыту [29, с. 702].

Ввиду того, что современный мейнстрим (неоклассическая теория) не уделяет внимание изучению ментальности нации (хотя в его основе лежат субъективистские модели и мотивы выбора людей, что уже само по себе должно подталкивать к изучению данного феномена) может сложиться впечатление, что вся экономическая наука игнорирует данную проблему.

Но еще классическая экономика, хоть и в не явном виде уже осознавала тесную связь между экономикой и стереотипами поведения населения. Труды Адама Смита непосредственно восходят к моральной философии, которая тесно связана с проблемами ментальности. Как пример, альтруизм как важный мотив человеческого поведения в “Теории нравственных чувств” А. Смита и эгоизм “*homo oeconomicus*” из “Богатства народов”. Огромный вклад внесла немецкая историческая школа. Им принадлежит важная мысль об обусловленности экономического развития культурными и историческими особенностями страны. Это национально-культурные характеристики производительных сил в трудах Ф. Листа, черты экономической ментальности наций и влияние “буржуазного духа” в работах В. Зомбарта, “дух капитализма” как основа всей буржуазной системы М. Вебера.

Большое значение имеют труды ранних институционалистов (Т. Веблена, Дж. Коммонса, У. Митчелла). Для них было характерно включение непосредственно в предмет исследования поведения людей и факторы его обуславливающие. Более того, их методологии исследования был свойственен холизм. С позиции ментальности это означает, что уже в то время присутствовало осознание приоритета ментальности социальных групп и ее влияния на хозяйственную деятельность. Даже то, что единицей анализа являлся институт, под которым понималось преимущественно совокупность правил, обычаев, способов и стереотипов мышления и поведения индивидов, как членов социальных групп, и общества в целом (например, Т. Веблена включал инстинкты в предмет изучения экономической науки). Представителями раннего институционализма понималось важность и значение предшествующего социального развития

и унаследования ментальных особенностей, регулирующих и регламентирующих взаимодействие людей. Изучение данных элементов в составе экономического исследования начинается с работ представителей философии прагматизма – К. Пирса и Дж. Дью, которые были учителями и друзьями Веблена и Митчелла. К. Пирс подчеркивал роль и влияние “мыслительных привычек” [31, с. 83].

В целом, именно традиционный институционализм “ввел моду” на учет фактора экономической ментальности и был одним из инициаторов междисциплинарных исследований в экономической науке.

Сам термин экономическая ментальность пока не стал широко употребляемым. Внимание к нему было приковано со времени разработки методики измерения культур Хофстеда в западном мире. Экономическую ментальность в составе неформальных институтов общества изучали Ф.А. Хайек, Д. Норт, Э. Рих, А. Сен, Э. де Сото и др.

На постсоветском пространстве также активно проводятся исследования экономической ментальности. Эти исследования активизировались с распадом СССР, и началом проведения рыночных реформ. В основном исследования сконцентрировались на анализе духовной составляющей народов и ее соответствия проводимым реформам (в частности, в России), в результате которых были имплантированы институты западных стран. С исторической позиции этим вопросом занимался Петр Золин в работе “Культурно-экономическая генетика россиян (кровь и мифы от палеолита)”. Он изучал этапы развития изменения генетики русского народа. З.В. Сикевич в книге “Национальное самосознание русских (социологический очерк)” изучал этнические характеристики российского народа и после провел исследования на адаптированность россиян к рыночным реформам. В этом же русле работают З.В. Сикевич, П.Н. Шихирева, М.В. Грачева, психолог Л.А. Окольская²⁴.

Огромный вклад внесли Латов Ю.В и Латова Н.В., в центре внимания которых, находится преимущественно экономическая ментальность и ее влияние на экономику. Исследованием мотивов занимается Сумин В.А. (“Оценка рыночных норм поведения и взаимодействие индивидов”), а вопросами самосознания Л.Г. Горичева

²⁴ Окольская, как и Дэвида Мак-Клелланда, сравнивала содержание российских школьных учебников для начальной школы в более близкий нам период и показала что в 2000-е годы в сравнении с позднесоветским временем (началом 1980-ых гг.) изменились ценности и нормы, которые демонстрировали школьникам персонажи учебных текстов. Свои выводы она представила в статье “Трудовые ценности и нормы в содержании журнал “Вопросы образования”, № 2, 2007, с. 68-85.

(“Экономические проблемы и национальное самосознание”). Эмпирические исследования для сравнения базовых ценностей россиян и восточнославянских народов ведут Магун В.С. и Руднев М.Г. (“Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процесса социализации”, “Базовые ценности россиян в европейском контексте”).

Выше уже было отмечено, что экономическая ментальность характеризует экономические ценности и нормы поведения, характерные в той или иной степени для представителей какой-либо группы. Важнейшими составляющими экономической ментальности являются ценностно-мотивационное отношение к труду и богатству, нормы и образцы социального взаимодействия, стереотипы потребления, организационные формы хозяйственной жизнедеятельности, степень восприимчивости к зарубежному опыту (рисунок 2.2) [39].

Рисунок 2.2 – Структура экономической ментальности

Примечание - Источник: составлено по [39]

Что касается структурных уровней экономической ментальности, то, суммируя все наработки по этому вопросу в мировой научной мысли можно выделить следующие [31, с. 83]:

- ❖ уровень бессознательного (подсознание, коллективное несознательное);
- ❖ уровень сознательного (осознание, рефлексия);
- ❖ уровень индивидуальной ментальности, единство сознательных и несознательных (подсознательных) ценностей;

- ❖ уровень индивидуальной ментальности, единство сознательных и несознательных (подсознательных) ценностей;
- ❖ уровень ментальности определенной социальной группы, сообщества, единство общепринятых в их пределах норм и установок.

2.3 Этнометрический подход к компаративному анализу хозяйственно-культурной ментальности

Как уже было сказано выше, многие экономисты и социологи считают, что именно различие в хозяйственной ментальности народов является первопричиной того, что одни и те же методы оказывают зачастую совершенно разное воздействие на социально-экономическую систему. И уже начиная со второй половины 20 века, активизировались исследования в рамках данной темы.

Изначально, зачастую использовались экспертные оценки и чисто качественный анализ. Но как показывала практика, таких оценок не хватало для возможности произвести более четкое и объективное измерение различий в хозяйственной культуре. Поэтому перед наукой стоял очень важный вопрос выработки количественных методов измерения неформальных институтов. В особенности, это касается измерения экономической ментальности как основополагающей характеристики системы. При этом обнаружилась прямая связь между количественными показателями социально-экономического развития данного общества и динамикой его основополагающих ценностей [10, с. 3-11].

Существуют два пути количественного измерения экономической ментальности [21, с. 80-81]. Первый способ был предложен А. Тверски, нобелевским лауреатом Д. Канеманом (“поведенческая экономика”) и В. Смитом (“основоположник экспериментальной экономики”). Они положили начало изучения стереотипов мышления и поведения людей с помощью методов современного математического анализа. Но данная методика не совсем подходит для изучения такого неформального института как экономическая ментальность. Так как главным объектом исследования является формирование различных суждений и принятия решений в условиях неопределенности²⁵ [11, с. 4-23].

Вторым путем исследования неформальных институтов являются этнометрические исследования.

²⁵ Данная теория представлена в фундаментальных работах Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica* (1979); Tversky A., Kahneman D. (1992) *Advances in prospect theory: cumulative representation of uncertainty*.

Этнометрия – это направление этносоциальных исследований, в котором анализируются ментальные характеристики различных этнических групп с использованием формализованных (математических) методов [21, с. 80-91]. Данные исследования становятся все более популярными. Начало им было положено западными учеными в 50-60 гг. 20 века. Одной из главных причин были процессы глобализации, которые увеличивали взаимозависимость и комплементарность различных стран и народов. На теоретическом уровне подобные исследования давали возможность глубже понимать и анализировать становление и функционирование политико-экономического строя, особенности ведения бизнеса и менеджмента. Полученные знания возможно эффективно использовать на практике, так как именно национально-культурные различия являются важной детерминантой любых преобразований, влияющей на конечный результат данного процесса. Эти же знания можно эффективно применять при установлении контактов с представителями других национальностей (что особенно важно в области ведения бизнеса в современном мире).

Именно этнометрические исследования обосновывают, как культура влияет на все формальные стороны жизни общества. Ведь непосредственно ментальность, находя свое выражение в культуре и системе ценностей, оказывает решающее воздействие на способ постановки проблемы, способ ее решения, способ мышления и восприятия, и самое важное, на целесообразность того или иного пути развития трансформаций. Так Ф. Тромпенаарс писал, что именно моральные ценности создают и увеличивают благосостояние нации при правильном и эффективном их использовании [34, р. 6].

Главной целью этнометрии является измерение и анализ основных культурных ценностей (ментальности) наций и сравнение их с культурными ценностями других наций, т.е. ранжирование их по “ментальным” полюсам.

В целом этнометрические исследования сталкиваются с тремя основными вопросами. Во-первых, это проблема выбора оснований сравнения при межнациональном изучении ценностей. Следующий вопрос, это выбор основного метода исследования. Еще одна важная проблема связана с обеспечением адекватной передачи смысла при работе с людьми в разных культурах [18, с. 32-54].

Проблема выбора критерия сравнения состоит в том, чтобы выбрать те показатели, которые будут фундаментальны и универсальны для абсолютно всех народов. Выбор и заключается в поиске ключевых ценностных дилемм, по которым можно дифференцировать все культуры.

На современном этапе существует ряд основополагающих работ по этой проблеме.

К. Клакхон выделил три группы культурных ценностей: “человек и природа”, “человек-человек” и “о человеке и о природе”. К. Клакхон считал, что все культуры могут быть охарактеризованы с помощью присущих им признаков в этих группах²⁶ [18, с. 32].

С. Моррис выделил “способы жизни”. Его “способы жизни” представляют собой основные принципы мироощущения, заложенные в главных религиях и ценностных системах мира. Проанализировав эти учения, Моррис сделал выводы о том, что всем культурам присуще 13 “способов жизни”, изложенных в описаниях по 150 слов каждое²⁷ [18, с. 33].

Методика “Способы жизни” была модифицирована. В 1963-1970 гг. Килби предложил изменить способ формулировки способов жизни. Это было вызвано сложностью для восприятия опросника С. Морриса. Видоизмененная методика получила название “Способы жизни II”. Похожий принцип применяли для выбора оснований сравнения в своем опроснике Йилден и Хо. Их методика основана на сопоставлении восточных религий и западного мироощущения [18, с. 34].

Так же достаточно популярен выбор критериев для сравнения в этнометрических исследованиях Г. Олпорта. Его методика “Изучение ценностей” представляет известную типологию Э. Шпрангера в эмпирическом виде. По Шпрангеру существует шесть основных направленностей личности: теоретическая, экономическая, эстетическая, социальная, политическая и религиозная. Сравнение культур с помощью методики Олпорта позволяет сопоставить представленность ценностных типов в разных странах [18, с. 36].

Большой популярностью пользуются критерии, положенные в основу своих методик Г. Хофстедом, Ф. Тромпенаарсом, Р. Ингельхартом, Ш. Шварцом (об этих методиках речь пойдет ниже).

В основе методики этнометрических исследований лежит опрос людей, составляющих один народ. Ведь каждый народ видит Единое устройство Бытия в особой проекции, которую можно назвать национальным образцом мира. И в человеке отражаются законы, ценности, характерные для любого общества. И для определения менталитета народа необходимо изучить некоторые аспекты психических, культурных и социальных особенностей личности. Данные, полученные в ходе опроса,

²⁶Albert E.M., Kluckhohn C. A Selected Bibliography on Values, Ethics and Esthetics.IL, 1959, Kluckhohn C. The Study of Values // Values in America. Univ. of Notre Dame, 1961.

²⁷Brislin R.W., Lonner W.J., Thorndike R.M. Cross-Cultural Research Methods. N.Y., 1973.

обрабатываются с помощью определенных, заранее установленных математических процедур [15, с. 156-191].

Таким образом, ядром неформальных институтов является ментальность (в контексте экономической науки экономическая ментальность), т.е. система образов, понятий и представлений, которые на бессознательно-сознательном уровне определяют поведение людей, их отношение к себе и окружающему миру. Общетеоретические основы данной категории были заложены еще начале 20-ого века. Исследования по данной теме велись как зарубежными, та и отечественными исследователями. Понятие “экономической ментальности”, а также ее влияние на хозяйственное поведение также исследовалось экономистами, еще со времен А. Смита.

Изначально при проведении рыночных реформ не учитывались исторически сложившаяся ментальность (экономическая ментальность), что впоследствии привело к неэффективному функционированию внедренных формальных институтов. На современном этапе в постсоциалистических странах ведутся широкомасштабные исследования по измерению экономической ментальности. Для этого используются два подхода – изучение на основе применения методов математического анализа (поведенческая экономика) или на основе этнометрического исследования. Этнометрические исследования определяют, как культура влияет на все формальные стороны жизни общества, т.е. те стороны жизни общества, которые выражаются в принятии и закреплении формальных институтов. Ведь именно ментальность, находя свое выражение в системе ценностей, оказывает воздействие на способы и стереотип мышления и восприятия, и самое важное, на целесообразность того или иного пути развития трансформаций. Экономическая ментальность, которая непосредственно является составляющей самой ментальности, опосредует и определяет хозяйственные отношения между людьми.

3 НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ КАК СТРУКТУРНАЯ КОМПОНЕНТА И РАМКИ СТРАТЕГИИ РЫНОЧНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

3.1 Ретроспективный анализ ментальных характеристик белорусского народа

Одним из главных свойств менталитета является его устойчивость и инертность, которые под собой подразумевают зависимость от предыдущей траектории развития и медленность изменений. Менталитет нации меняется достаточно долгое время под воздействием внешних и внутренних факторов. Любая трансформация, которая в значительной степени меняет предыдущую модель развития, будет естественным образом упираться на “образцы поведения людей с общим запрограммированным сознанием”²⁸ [47]. Это программирование можно назвать “зовом предков”. Поэтому перед тем как приступить к определению менталитета (экономической ментальности) и главных характеристик белорусского народа на современном этапе, необходимо составить ментальный портрет прежних белорусов.

В целом, изучение национальных особенностей прежних белорусов весьма затруднительно, так как до 90-ых годов 20 века систематизированных исследований не велось. А те наработки, касающиеся непосредственно отличительных национальных особенностей белорусов, встречаются, если только “между строк” в основных трудах исследователей такой науки как этнография и в политических дебатах 19-начало 20 веков.

Абсолютно все ранние изучения национальной культуры и основных особенностей белорусского этноса строились в значительной мере на выявление определенных образцов поведения представителей данного народа и их проявлениях в различных ситуациях. Данные выводы получались непосредственно методом наблюдения. Впервые сама потребность изучения особенностей определенного народа появилась у путешественников, купцов, дипломатов, военных. Дипломатам – для эффективного оказания влияния на правителей, военным соответственно для проведения нужной военной стратегии и организации военных

²⁸ Hofstede, Geert. Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers, 1994.

действий, купцам – для оптимальных методов ведения торговли и определения рынков сбыта.

Заинтересованность белорусским этносом и его самосознанием активизировалась со второй половины 19 века. В данное время начинается становление национального самосознания белорусов. В целом, сама история изучения белорусского менталитета представлена на следующем рисунке (рисунок 3.1).

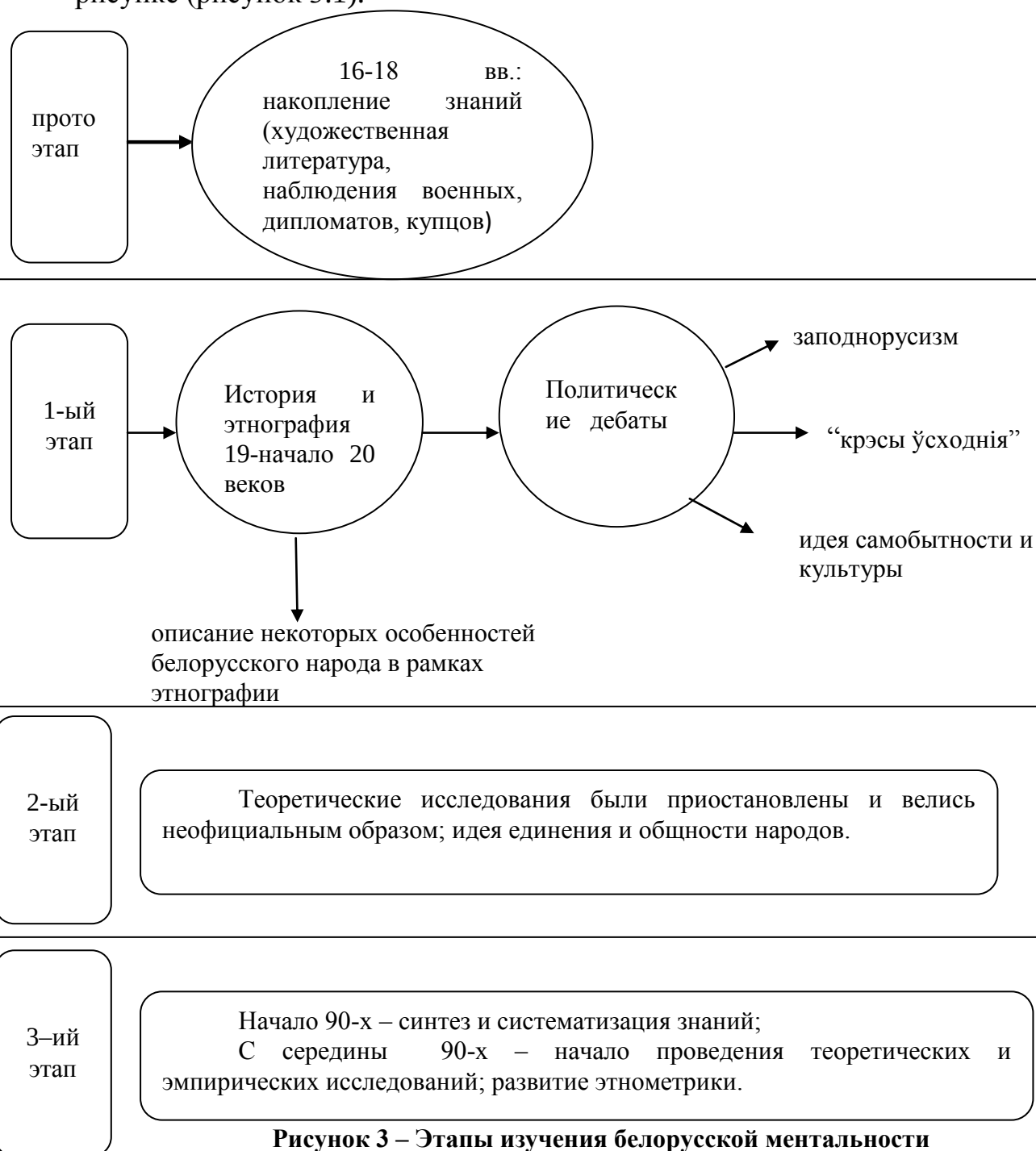

Рисунок 3 – Этапы изучения белорусской ментальности

Примечание - Источник: собственная разработка

Несмотря на разную плановость работ и их авторов, необходимо выделить специфику, которая прослеживается во всех этих работах:

1) Для большинства авторов, занимавшихся данным вопросом характерен поиск ответа на вопрос: с кем белорусам лучше быть – с Западом или с Востоком. Этот вопрос всегда оставался актуален ввиду исторического пути развития Республики Беларусь. И дело здесь не столько в ее географическом положении, сколько в том, что в определенные моменты страна тяготела то к одному, то к другому направлению. Исторически сложилось так, что в некоторые моменты круто менялись вектор развития и внешние условия, которые в конечном итоге оказывали воздействие на самосознание белорусов (как пример, продолжительное существование ВКЛ или вхождение белорусского этноса в состав Российской империи).

2) Вторая отличительная черта состоит в том, что белорусский народ с позиции ментальности можно подразделить на верхи и низы. Многие авторы акцентировали внимание на том, что самосознание князей отличалось от самосознания простого народа. Это в конечном итоге и приводило к тому, что очень многие восстания, идеи, проводимые князьями не находили отклика у простого народа. Поэтому сейчас считается, что именно крестьяне сохранили белорусский менталитет в чистом виде.

Целью данной работы является не только определения основных характеристик белорусской ментальности, но и их динамики. В начале 90-х годов 20 века систематизированных исследований по изучению особенностей и основных свойств белорусского менталитета не велось. Трудов, в которых бы до названного выше периода целенаправленно изучалась ментальность белорусского народа, как таковых не существует. Хотя при этом можно выделить ряд авторов, которые в определенном смысле касались данного вопроса.

Можно сказать, что первым, кто рассказал про духовные черты белорусов, был Николай Гусовский [35]. В своей знаменитой поэме “Песнь про зубра” он описал основные черты белорусов. Важно отметить, что на латентном уровне, уже в 16 веке был практически повторен вывод современных ученых (В. Абрамов, А. Бурбис, Э. Дубенецкий, В. Кириенко, В. Насевич, Ю. Чернявская, А. Коршук) о том, что именно географическое положение, особенности природы сыграли ключевую роль в становлении белорусского менталитета. Именно природный и географический факторы оказали влияние на прививание трудолюбия белорусам, их бережливость, рачительность. “Надо сказать, поселяне старались усердно, что поручалось, всегда выполняли без страха”, “Вот о смекалке народа по части ловушек. Можно сказать без сомнения - это искусство!” [35]. По мнению Гусовского, именно природно-климатический фактор воспитал в

белорусах нравственность и умение жить и трудиться сообща. Основа духовного мира белорусов – это понимание природы как одушевленного существа, которое обладает качествами, присущими им самим (по сути, антропорфизация природы). Это практически абсолютно коррелирует с выводами современных ученых. Так же белорусам характерна любовь к родине, сила духа, изворотливость, беспечность, мужество, гуманность. Гусовский делил народ на простых людей и князей, которые отличаются по своим духовным характеристикам. Он большинство князей называл “волками”, агрессорами, зачинщиками войн. “Ах, как он слеп, наш народ, как плачевно его положение! Мы еще - толпы. Князья же по-прежнему давят. Даже малейшие вспышки волнений в народе, разным путем обезглавить стремятся любого, к миру. Князьям возврати здравомыслия трезвость, чтобы осмыслили долг свой, преступно забытый. Все они в этом безумном, разнузданном мире, лишь на словах миротворцы, а волки на деле” [35]. Время Гусовского пришлось на период, когда еще хорошо помнилось сильное и справедливое правление Витовта. Именно в это время, в просвещенных умах усилилось национальное самосознание, основанное на борьбе и достижениях предыдущих поколений.

Как уже было отмечено выше, “расцвет подобных” исследований приходился на 19-начало 20 веков. На данный период пришелся расцвет этнографии белорусского края. В первую очередь упор делался на изучение географических, климатических особенностей страны. Также изучался быт народа. Несмотря на изучение в первую очередь данных особенностей белорусского народа, некоторые авторы также останавливались на рассмотрении особенностей духовной культуры народа. Основные авторы уже были приведены во второй главе. Здесь будут приведены основные выводы некоторых из них.

Адам Богданович выделил следующие характеристики белорусского народа [13, с. 3-25]:

- Неразвитость;
- Отсталость;
- Забитость;
- Постоянное чувство горечи и скорби;
- Простота.

Однако А. Богданович считал, что в отношении трудолюбия белорусы не уступают ни великорусу (россиянину), ни малорусу (украинцу) а по выносливости превосходят того и другого. Но все же он считал, что “справедливость требует поставить белоруса по типу душевного развития ниже его братьев из великой русской семьи” [13, с. 6]. Хотя следует отметить, что эта работа была написана им через несколько лет после того, как он отошел от революционной

народовольческой деятельности в 1891 году. Судя также по всему, просветительская работа в народе не принесла ему того удовлетворения результатами, которые он ожидал. Одним из центральных выводов А. Богдановича, что ментальность белорусов и все свойственные ей характеристики определяются тем, что в белорусах все еще сильны пережитки политеизма (одушевление природы, верой в магию, добрых и злых духов).

М.В. Довнар-Запольский выделил такие ментальные черты белорусов [36]:

- Традиционализм;
- Сила “заветов предков”;
- Статус семьи занимает очень высокое место в иерархии ценностей белорусов;
- Общинность;
- Трудоспособность и трудолюбие;
- Для белорусов характерно предпочтение “морального” авторитета любому другому.

Аркадзь Смолич писал [6, с. 44], что белорусам не свойственен риск и авантюризм, открытая и грубая простота, которые характерны “москвичам”. При этом они и не имеют легкомысленности, светскости и самохвальства, характерные для поляков. От евреев белорусов отличает меньшая подвижность, настойчивость, не столь развитое умение приспосабливаться к различным обстоятельствам [6, с. 44].

Кружок филоматов, во главе с А. Мицкевичем, Я. Чечетом, А. Киркорам считали белорусов хранителями моральных законов, норм и традиций.

Стоит упомянуть знаменитую работу І. Абдзіраловіча “Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага светапогляду”, в которой впервые (задолго до публикации книги Н. Бердяева “Русская идея”) был поставлен вопрос о существовании “белорусской идеи” и самой исторической миссии белорусского народа. И. Абдиралович писал, что Беларусь, еще начиная с X века, фактически является ареной борьбы двух культур – западной и восточной. Основная особенность белорусского народа – это открытое неприятие этих двух культур в чистом виде и, по сути, попытка сочетать в себе несочетаемое. Для белорусов характерно отрицание крайних форм восточной культуры (нетерпимость взглядов, концентрация власти в одних руках, ярко выраженный коллективизм, отсутствие инициативы), но в тоже время отрицание и крайнего индивидуализма, характерного для западного менталитета. Белорусам нравилась, и они охотно переняли восточную простоту души, щедрость, простодушие, правдивость, эмоциональность, радушие, гостеприимство, сострадание, подверженность порывам души.

Но при этом было сильным влияние и западного менталитета. Именно западное здравомыслие, трезвость мышления, прагматизм, нежелание впадать в крайности и поиск компромисса, деликатность, законопослушание - белорусы всегда считали наиболее пригодными качествами в реальной жизни. Но при этом и к Западу, и к Востоку у белорусов одинаковое недоверчивое отношение, так как и Запад, и Восток всегда приносили с собой насилие и войны. Восток – всегда хотел все и сразу, обрушиваясь на страну “мощной лавиной”, Запад хотел того же, но постепенно, забирая у Беларуси все маленькими кусками. Белорусы всегда хотели, чтобы их просто оставили в покое и дали право выбирать свой собственный путь [1, с. 1-44].

Если подвести итог, то можно выделить следующие черты белорусского менталитета в ретроспективе (М. Довнар-Запольский, М. Никифаровский, П. В. Шейн, Е.Ф. Карский (отец белорусской этнографии), Ф.Ф. Федоровский, В.У. Ластовский) [7, с. 195–206; 8, с. 67-71]:

1) Самоидентификация себя на бытовом и психологическом уровне как особого социально-этнического целого – "мужиков-белорусов";

2) "Тутэйшасць" как особая привязанность к "малой родине". Это качество проявлялось в делении поселений на определенные "анклавы": в самосознании крестьяне одной местности воспринимали соседей из другой в первую очередь как чужих в некоторой степени (во всяком случае, не "своими").

3) Сочетание двух противоречивых качеств – настойчивости и покорности обстоятельствам (фатализм). Одна из главных причина этого заключается в долготерпении белорусов, являвшимся фундаментом обеих характеристик.

4) Трудолюбие белорусов. Среди восточнославянских народов именно белорусы, по мнению, как ученых, так и сторонних наблюдателей, отличались наибольшим упорством в повседневном труде, привычкой добиваться успехов собственными силами и стараниями.

5) Стойкое неприятие перемен, несмотря на то, что они могли быть и переменами к лучшему. Здесь, безусловно, играл свою роль страх потерять все нажитое – прагматизм. Во многом это из-за того, что согласно истории: белорусское крестьянство практически никогда и ничего не выигрывало.

6) Недоверие проповедям (в широком смысле слова), агитации и в целом предложениям со стороны "внешних" людей.

7) Слабая выраженность личной и коллективной инициативы, связанная и с долготерпением народа, и с исторически сформированным

недоверием к крайностям, и с традиционным (свойственным всем аграрным общностям) консерватизмом.

8) Терпимость, дружелюбие, толерантность. Это качество еще со времен ВКЛ отличает белорусов во всех отношениях (к соседям, землякам, к другим народам, концессиям и идеолого-политическим убеждениям). В то же время терпимость нередко переходила (и до сих пор переходит) в общественный конформизм.

9) Идеал равенства, присущий всем "культурам бедности" и в то же время недоверие к большим искусственно созданным коллективам, руководимые некой глобальной идеей.

10) При наличии собственной истории, сохранении в массах народной культуры и языка – начиная с XIX века, активно начала проявляться тенденция к заниженной самооценке, что могло быть вызвано чувством зависимости от других. Именно в данный период начались активно проявляться тенденции глобализации, вовлечение посредством Российской империи в мировые экономические отношения.

На современном этапе так же существует ряд авторов, изучающих ментальные характеристики. Если ранее авторы, описывая духовный мир белорусов, преимущественно опирались на свой личный опыт и свои наблюдения, то на современном этапе исследователи опираются на совокупность различных научных методов (в первую очередь, этнометрических, социологических и исторических). Все исследователи на современном этапе (В. Абрамов, А. Бурбис, Э. Дубенецкий, В. Кириенко, В. Насевич, Ю. Чернявская, А. Коршук и др.) сходятся, что на становление современной ментальности оказали решающее влияние [2, с. 22-28; 5, с. 7-12]:

1. Географический детерминизм. Равнины, водные ресурсы, большое количество лесов и болот сделали белорусов спокойными и тихими. Сложный для земледелия климат, не очень плодородная почва выработали коллективизм, так как для того, чтобы выжить, необходимо было работать сообща, делиться последним. Именно природные условия приучили белорусов жить на сравнительно малой территории и тем самым для белорусов характерна любовь к "малой" родине и осторожное отношение к различным глобальным идеям.

2. Геополитическое положение. Положение Республики Беларусь между Западом и Востоком, специфика исторического пути развития обусловили толерантность и нейтральность белорусов.

3. Противоречивость характера, связанное не только с геополитикой, но и с тем, что в белорусском народе всегда причудливым образом переплетались христианство и язычество.

4. Сам исторический путь развития выработал у белорусов часто проявляющиеся чувство безысходности и драматичности.

Одним из самых известных является В.В. Кириенко. Он главным образом сконцентрировался на изучении современной ментальности белорусов.

Основными этнообразующими факторами, по его мнению, влияющие на становление современного менталитета белорусов, начиная со второй трети 20 столетия [5, с. 7-12]:

1. Приобретение белорусским народом собственной государственности;

2. Принципиальные изменения социально-профессиональной структуры населения. Если в 30-ые годы прошлого столетия Республика Беларусь имела преимущественно аграрно-натуральный тип хозяйствования, то в 21 веке – индустриально-промышленный с достаточно высоким научным потенциалом;

3. Урбанизация. Если в начале 20 века большая часть населения (90 %) проживала в сельской местности, то в начале 21 века большая часть сельских жителей стремится переехать в города;

4. Белорусизация.

Согласно социологическому исследованию, проведенному В.В. Кириенко ментальный портрет белорусов можно представить следующим образом [5, с. 77-137]:

Доминирующие характеристики: гостеприимство, трудолюбие, теплота и сердечность в отношениях между людьми, совесть, сострадание, толерантность, коллективизм.

Умеренно присутствующие: стремление к медленным, постепенным общественным изменениям, патриотизм, уважение младшими старших и забота старших о младших, уважение традиций и следование им, созерцательность, мечтательность, чувство локтя, стремление оказать помощь представителям своей нации, духовность.

Слабоприсутствующие: стремление к личной свободе, независимости, законопослушание, обязательность, верность слову и принятому решению, стремление к быстрым, радикальным изменениям, точность, аккуратность, предприимчивость, расчетливость, соревновательность, конкуренция.

В.В. Кириенко так же, как и исследователи прошлых лет, анализировал положение Республики Беларусь между Западом и Востоком (насколько к ним тяготеют ментальные характеристики) и в итоге пришел к следующим выводам [5, с. 203-208]:

1. В мировоззренческой картине современных белорусов не характерно склонность к выбору одного из двух путей общественных

трансформаций: вульгарного, уравнительного социализма и примитивного “дикого” капитализма;

2. Идет неизбежный процесс “капитализации” все большей части населения. Ментальности современных белорусов характерно стремление к социально-ориентированной рыночной государственности;

3) У белорусов ярко выражена потребность в социальном равновесии;

4) При благоприятных социально-экономических условиях белорусы будут поддерживать построение именно социально-ориентированной рыночной модели. Если условия будут ухудшаться, и будет происходить постепенная дестабилизация общества, то может произойти быстрый и резкий переход к одному из крайних путей.

На современном этапе авторы анализирующие ментальность белорусов, в основном опираются на ретроспективный анализ белорусской истории. Это в первую очередь Алена Коршук, Ширшов И.Е., Чернявская Ю.В. Обобщить их выводы можно, выделив такие основополагающие черты менталитета белорусов [2, с. 22-28; 9, с. 71-74; 7, с. 195-198]:

1) Мир, миролюбие, милосердие, доброта. Стремление сохранить стабильность, нейтральность, status quo, нежелание меняться, страх ко всему неизвестному. Белорусам характерен поиск любых путей избегания конфликта.

2) Толерантность. Склонность адаптироваться к любым обстоятельствам и условиям, а не стараться их исправить и изменить. Склонность довольствоваться малым, а не стремиться к большему.

3) Скромность, спокойствие. Стремление не выделяться с толпы, находить компромиссы. Характерно принижение собственных способностей, стремление все делать в группе.

4) Трудолюбие. Так же белорусам характерна склонность к краткосрочному планированию, желание получать меньше, но сразу, чем ждать чего-то большого долгое время.

5) Выносливость;

6) Умение преодолевать невзгоды;

7) Традиционализм;

8) Образ “малой родины”;

9) Амбивалентность национального самосознания;

10) В некоторой степени комплекс неполноценности;

11) Гостеприимство.

Также Ширшов И.Е. выделял следующие свойства белорусов [9, с. 71-73]:

1) Стремление к интегративному знанию и целостному духовному образованию. Желание найти истину “последней инстанции”.

2) Повышенное чувство социальной и всечеловеческой справедливости, внешне выражаемое в нравственно-гуманистическом пафосе.

3) Преобладание влечений сердца над доводами рассудка, приоритет межличностных отношений.

4) Открытость и щедрость души.

Там же были выделены следующие характеристики белорусского народа: разумное, хладнокровное умение взвесить реальную ситуацию и сделать из нее точные логические выводы, самокритицизм, умение признать достоинства других народов, и добрый юмор.

Мельников А.П., основываясь на исторических источниках и на анализе современных процессов, происходящих в обществе, выделил следующие ментальные и поведенческие черты белорусов [6, с. 41-95]:

Во-первых, он обращает внимание опять же на традиционные колебания белорусского народа между Востоком и Западом. По его мнению, этим и определяется противоречивость белорусского характера, сочетающего в себе черты, как восточного человека, так и западного. Он приводит пример Франциска Скорины, который в своих трудах сочетал особенности, как восточной культуры, так и западной.

Во-вторых, у белорусов абсолютно отсутствует мессианское сознание, чувство национального превосходства над другими.

В-третьих, как уже было замечено ранее, белорусам характерно отрицание насилия. Более того, нации нравится быть жертвами. Но в тоже время, в моменты военных действий у белорусов просыпаются такие качества, как свободолюбие, мужественность, решительность. В этой связи можно предполагать, что прямые опасные ситуации пробуждают у белорусов инстинкты, которые “спят” в мирные времена.

В-четвертых, белорусам свойственно предаваться настроениям грусти, светлой скорби и печали. Наверное, так произошло во многом из-за драматических событий, которыми наполнена белорусская история.

В-пятых, белорусы немногословны. Не любят показывать свои эмоции, чувства. Открыты, бесхитростны, добродушны.

В-шестых, неотъемлемой чертой белорусского менталитета является покладистость. Белорус - человек незлобивый, незлорадный и немстительный. Для него характерно поиски справедливости без ответного насилия, обращение к нравственному началу. Но при этом, в кризисные ситуации может проявлять мужество и силу духа.

Также белорусам абсолютно чужд революционизм и политический авантюризм. По мнению Мельникова А.П., они не склонны к радикальным изменениям, а предпочитают изменения постепенным эволюционным образом. Белорусам чужда буржуазность. И именно отсюда негативное

отношение к процессам приватизации и личному обогащению отдельных людей.

Белорусскому народу характерна стойкость и упорство в преодолении трудностей, честность, совесть, гуманность, чуткость, патриотизм. Белорус – это хранитель моральных законов. Автор пришел к выводу, что белорусский менталитет – это в первую очередь крестьянский менталитет, и отсюда такие черты, как консерватизм, прагматизм, осторожность [6, с. 41-95].

Также было отмечено автором, отличительной чертой белорусов является уважение к праву и законам [6, с. 65-67]. Возможно, это связано с тем, что ВКЛ было одним из первых государств, где были приняты общегосударственные нормативные акты, регулирующие социально-экономическую деятельность общества (Статуты ВКЛ). Статуты – первые в Европе своды законов, в которых в определенной системе располагались нормы конституционного, административного, гражданского, уголовного, земельного права, изданные на белорусском языке, а позже переведенные на языки других народов. Можно утверждать, что именно утрата суверенитета ВКЛ в 16 веке, попытка сделать первое европейское сообщество на основе Польши и ВКЛ и не дало развиваться тем росткам национального самосознания народов, живущих на территории ВКЛ, ощутить себя единой семьей, защищающей свою страну, что и привело, в конце концов, не только к распаду государственности, но и окончательной потере суверенитета. Ростки этого национального самосознания все время пытались привить то к Польше при помощи полонизации 17 века, то к жесткой авторитарно-крепостнической России 18-19 веков.

Несмотря на разрозненность материалов и мнений, касающихся непосредственно белорусского менталитета, можно представить общий ретроспективный портрет.

Важной задачей данной работы является определить динамику изменений в менталитете белорусов. Современными учеными в данной области выделены основные фундаментальные показатели (подробней о них будет сказано ниже), представленные ниже в виде таблицы 3.1.

Таблица 3.1 Динамика изменений ментальных характеристик белорусов

Основные сферы измерения	Динамика изменений ментальных характеристик
Степень индивидуализма	По основным выводам вышеназванных авторов видно, что белорусам изначально было свойственно коллективистское поведение, осознания приоритета общественных интересов над интересами групп, желание и умение жить сообща.

Продолжение таблицы 3.1

	Современные исследователи также считают, что индивидуализм мало присущая черта современного белорусского общества. Хотя в тоже время отмечается, что данный показатель в определенной степени вырос по сравнению с предыдущими этапами развития вследствие постепенной капитализации сознания.
Традиционализм	Практически все авторы прошлого столетия считают, что белорусам присущ традиционализм в поведении. Как следствие этого, нелюбовь к быстрым переменам, отчуждение нововведений, неприятие риска и вера в “заветы отцов”. Современные авторы также отмечают, что данная особенность остается в генофонде белорусского народа, что выражается в неприятии и непонимании многими белорусами современных рыночных изменений.
Отношения господства	Начиная с 19 века, исследователи отмечают, что белорусам преимущественно характерна пассивность и покорность в отношении к власти, желание не вмешиваться и не принимать решения. Современные авторы также пишут о том, что белорусы склонны адаптироваться к любым обстоятельствам и условиям, а не стараться их исправить и изменить.
Отношения ко времени (чувство времени)	Современные авторы склонны полагать, что белорусам свойственна краткосрочная ориентация во времени, нелюбовь к долгосрочному планированию и делам и проектам, эффект от которых будет нескоро.
Отношение к правилам и личным связям	Многие авторы прошлого обращают внимание на то, что в духовной культуре белорусов очень важное место занимает институт семьи, межличностных связей и особая тяга к своей “малой родине”. Это предопределяет рассмотрение правил и норм через призму межличностных отношений. Некоторые современные авторы (Кириенко В.В.) также считают, что современному обществу характерен

Окончание таблицы 3.1

	приоритет личных отношений.
Отношение к природе и окружающей среде	Все авторы пишут о том, что белорусам характерно сакральное отношение к природе, которая всегда считалась матерью и кормилицей. Из этого всегда следовало нежелание целенаправленно воздействовать на окружающий мир, чтобы изменить его. Современные авторы также указывают на стремление белорусов жить в гармонии с окружающей средой, сохранять нейтралитет в конфликтах, нежелание идти на крайности. Также абсолютно все авторы указывают на такие черты белорусов, как спокойствие, толерантность, трудолюбие, миролюбие и отрицание любого насилия.
Характер отношений в социуме	Авторы в любой период отмечают, что белорусы являются преимущественно “женственной” нацией, где в первую очередь ценятся отношения и связи, окружающий мир, а не стремление к обогащению.

Примечание - Источник: собственная разработка

3.2 Измерение экономической ментальности белорусов: аналитические традиции и современные методики

В прошлом разделе были представлены основные характеристики белорусского народа с позиции различных авторов. Все это действительно представляет огромный интерес. Однако выводы авторов не отвечают на вопрос о фундаментальных характеристиках народа, по которым можно сравнивать один народ с другим. Также остается невыясненной степень, с которой приведенные выше характеристики поведения, проявляются в народе. Как писалось выше, именно использование формальных методов в социально-психологических науках (этнометрия) помогло сделать подобные исследования более научными, а результаты сопоставимы с другими странами. Как уже было сказано, существует много формальных методик, позволяющих изучить и измерить такое явление, как национальная культура. Одним из наиболее популярных методов, позволяющих определить экономическую ментальность и саму организационную культуру - это методика Г. Хофстеда, которого заслуженно называют отцом современной этнометрии.

Культура в его понимании - это коллективное программирование сознания, которое отличает один народ или членов определенной группы от другого. При этом все культуры разные и не бывает культур плохих или хороших. Культура в целом всегда коллективна, она не наследуется, а ей учатся (sociallearning). Культура страны - это не просто комбинация свойств “среднего гражданина” и это не форма личности. Это образцы поведения людей с общим запрограммированным сознанием. Причем эти образцы не обязательно принадлежат абсолютно всем людям. На деле они только статистически более часто обнаруживаются в данном обществе [47].

В своем фундаментальном труде “Culture’s Consequences” Хофстед в приложении 1 данной книге впервые представил список вопросов, на основе которых, был создан первый опросник. Именно по нему Хофстед на протяжении 1966-1973 гг. опрашивал сотрудников компании IBM в разных странах для определения различия в организационной культуре разных стран и народов. База первоначальных данных включала ответы на вопросник от работников, занятых на 72 зарубежных предприятиях, занимающих 38 разных должностей, говорящих на 20 языках. Всего за данный период было получено 116 тыс. вопросников, включающих свыше 100 стандартных вопросов каждый. А в издании 1980 г. впервые был представлен “Модуль исследования ценностей 1980”, который состоял из 27 основных вопросов и 6 демографических. Слабость данного модуля состояла в том, что результаты сильно зависели от более или менее случайного перечня вопросов, используемых в компании IBM, который не отражал полностью цель анализа ценностных моделей в различных странах. В 1981 г. IRIC²⁹ (Исследовательский институт международного сотрудничества) выпустил экспериментальную расширенную версию опросника (VSM 81), на базе которого был в итоге создан “Модуль исследования ценностей 1982” (VSM 82)³⁰. Он состоял из 47 вопросов плюс 6 демографических, и только 13 из них непосредственно были необходимы для анализа. Остальные вопросы были чисто экспериментальные, собираемые сугубо для IRIC. Стоит отметить, что первичный анализ массового использования VSM 81 и VSM 82 произвел Nico Bosland, который занимался подобными исследованиями на получение степени магистра. Он анализировал, что будет, если VSM использовать как тест на определение индивидуальной личности человека. Вывод состоял в том, что данный опросник не подходит для того анализа.

²⁹ Основателем этого института стал сам Г. Хофстед.

³⁰ Подробнее об этом модуле и выводах по Беларуси можно прочесть в статье Лемещенко П. С., Сидорова А.М. Экономическая ментальность и рыночная реформа в Беларуси // вектор экономического развития. – Вып. 2(13). – 2012. – С. 523-530.

Так же он пришел к выводу, что результаты опросника, как и сами вопросы необходимо корректировать на уровень образования. Bosland составил специальные таблицы (Bosland's tables) для корректировки результатов, в соответствии с образовательным уровнем респондентов. Данные выводы были применены и изложены Хофстедом в более поздних изданиях своих работ. Также после 1982 г. были продолжены дальнейшие корректировки данной версии опросника. В первую очередь это связано сложностью подсчета, а так же с тем, что два вопроса в данном опроснике не относились к людям, у которых не было работы в организациях. Так же, несмотря на возросшую популярность данной методики, был выявлен еще один минус. Michael Норре написал диссертацию на получение степени доктора (Ph.D thesis) на тему исследования элит, в которой среди других инструментов, применил и VSM 82. Было выявлено, что некоторые показатели сильно коррелируют друг с другом (в частности, дистанция власти и избегание неопределенности), что поднимало необходимость изменения расчета данных показателей. В тоже время исследование профессора Michael Harris Bond из Гонконга, с использованием “Модуля исследования китайских ценностей” привело к выявлению пятого измерения культуры – конфуцианского динамизма (LTO) или, как его еще называют показатель краткосрочной/долгосрочной ориентации [48].

С учетом всего вышеперечисленного был разработан “Модуль исследования ценностей 1994” (VSM 94), который на данный момент является наиболее популярным методом измерения ценностей. Данный модуль представляет краткую анкету (20 основных вопросов и 6 социально-демографических). Этот модуль считается наиболее эффективным инструментом изучения пяти фундаментальных ценностей, предложенных Хофстедом. Также данный модуль отличается от предыдущих методикой подсчета результатов.

В данном модуле Хофстед (как и во всех других) статистически анализирует ответы на вопросы о ценностных ориентациях людей в разных странах вокруг одних и тех же проблем, но с разными “национальными” решениями в следующих областях [27, с. 70-103]:

- 1) неравенство, включая отношения с властью и непосредственными начальниками;
- 2) отношения между индивидом и группой;
- 3) концепция мужественности и женственности в поведении людей;
- 4) как люди справляются с неопределенностью, насколько готовы к нововведениям, как относятся к контролю агрессии и выражению эмоций;
- 5) восточное и западное представление о развитии семьи, общества, понимание концепции времени.

Согласно указанным пяти областям изучения национальной культуры, Хофстедом для проведения эмпирических исследований были определены пять измерений культуры, о которых уже писалось выше. Пять измерений соответствуют приведенным выше областям проблем.

Первое измерение – это дистанция власти (PDI). По определению Г. Хофстеда, это “тот предел, до которого члены общества, владеющие меньшей властью, принимают, что власть распределена неравномерно” [47, р. 5]. “Дистанция власти” — это одна из базовых ценностей, представление о мире, связанное с решением вопроса: почему не все люди равны. Решения у этого вопроса всего лишь два: потому что “так надо для дела” или потому что “таков порядок мира”. В первом случае мы имеем дело с низкой дистанцией власти, во втором - с высокой дистанцией власти [49, pp. 97-98].

В модуле VSM 94 данный индекс считается по следующей формуле (1.1) [48].

$$PDI = -35m(03) + 35m(06) + 25m(14) - 20m(17) - 20 \quad (3.1)$$

где $m(03)$, $m(06)$, $m(14)$, $20m(17)$ – значение оценки вопроса 3,6,14,17 соответственно.

Индекс варьируется в пределах от 0 (низкая дистанция власти) до 100 (высокая дистанция власти), но технически может быть в определенных случаях как ниже 0, так и выше 100.

Второе измерение – измерение индивидуализма (в противовес коллективизму). Это вообще один из важнейших показателей, который определяет стереотипы поведения людей и всего типа экономической культуры. По сути, как самих себя воспринимают люди: часть группы или же уникальная личность? Разные культуры и типы экономических систем дают на него разные ответы. В индивидуалистской культуре главная ценность — это я сам, мое мнение, мое пространство. Противоположность — коллективизм. Он связан с ценностью принадлежности к группе, осознанию и покорности частного перед общим. Индивидуализм чаще всего характеризует ситуацию, когда связи между отдельными личностями не обременены сильной необходимостью действовать совместно, и ожидается, что каждый будет уделять максимум внимания себе или своей непосредственной семье. Коллективизм, наоборот, означает изначальную заинтересованность людей в крепко связанных и сплоченных группах, подчинение интересов отдельных людей интересам группы [49].

Формула расчета данного индекса (IND) (1.2) [48]:

$$IDV = -50m(01)+30m(02) +20m(04) -25m(08) +130 \quad (3.2)$$

Где $m(01)$, $m(02)$, $m(04)$, $m(08)$ - значение оценки вопроса 1,2,4,8 соответственно.

Индекс варьируется в пределах от 0 (сильный коллективизм) до 100 (сильный индивидуализм), но технически может быть в определенных случаях как ниже 0, так и выше 100.

Третье измерение – это индекс маскулинности (MAS) (в противовес фемининности). Маскулинность (мужественность) – это ценность достижения, рациональности, прямых действий, зарабатывания денег, ответа на вызовы внешнего мира. Для этой культуры характерен образ суперменов. Фемининность (женственность) проявляется в значимости жизненного пространства, чувств, честности и открытости в контакте. Этот показатель достаточно важен для экономики и, особенно, в период проведения рыночных реформ, так как оценивает, насколько народ в целом способен к целерациональному поведению, ответственности за свои действия, готовности рассчитывать в первую очередь на себя, а не на других (в первую очередь, на государство).

Мужественность как образец поведения “среднего гражданина” более свойственна обществам с четко различаемыми социальными ролями для мужчин и женщин. Считается, что мужчина обычно грубее, жестче и делает упор на материальную сторону жизни, а женщина - нежнее, умереннее и заинтересована в качестве жизни. Женственность как измерение культуры точнее описывает “среднее” поведение в обществах, где социальные роли обоих полов во многом совпадают, т.е. и мужчина, и женщина могут быть мягкими, умеренными и думать не только о материальном благополучии [24, с. 70-103].

Формула для расчета индекса (1.3) [48]:

$$MAS = +60m(05)-20m(07) +20m(15) -70m(20) +100 \quad (3.3)$$

где $m(05)$, $m(07)$, $m(15)$, $m(20)$ - значение оценки вопроса 5,7,15,20 соответственно. Сам же индекс варьируется в пределах от 0 (абсолютная фемининность общества) до 100 (абсолютная маскулинность общества), но технически может быть в определенных случаях как ниже 0, так и выше 100.

Четвертое измерение - избегание неопределенности (UAI) (включает отношение к работе, отношение к конфликтам, отношение к разногласиям, отношение к риску, формализованность отношений). Люди различаются по той степени, с которой они согласны допускать в своей жизни наличие неопределенности. Будущее всегда неопределенно, но люди способны в

определенной степени снижать неопределенность. Достигается это, по мнению Г. Хофстеда, через три составляющих: технологию, законы и религию. При этом технология имеет дело с той частью неопределенности, которая исходит от природы; законы - с неопределенностью от поведения людей; религия - с неопределенностью от сил всевышнего [47, р. 9-11].

Этот показатель связан с решением вопроса о выборе жизненной стратегии. Чем выше этот показатель (высокое избегание неопределенности), тем больше население нуждается в четких правилах и отторгает нововведения. В странах с низким избеганием неопределенности преобладает стремление к нововведениям и проявлению инициативы, изменения рассматриваются как возможность обретения чего-то нового. В таких культурах новое, непознанное пробуждает интерес, а отличия от общепринятых норм не считаются опасными [45].

Народ, для которого характерна культура с высоким уровнем избегания неопределенности, ориентируются на четкие правила или инструкции, отличается потребностью в формализованных указаниях и нормах поведения, отличается высоким уровнем тревожности, лихорадочностью в работе, а также низкой толерантностью к людям или группам с отличающимися идеями или поведением. Эти культуры больше сопротивляются любым изменениям и мало склонны к риску. В культурах с низким уровнем избегания неопределенности принято толерантное отношение к новым идеям, приветствуется инициатива, импровизация и в целом люди ведут себя и работают более спокойно [45].

Формула расчета индекса (1.4) [48]:

$$UAI = +25m(13)+20m(16)-50m(18)-15m(19)+120 \quad (3.4)$$

где $m(13)$, $m(16)$, $m(18)$, $m(19)$ - значение оценки вопроса 13,16,18,19 соответственно.

Индекс варьируется в пределах от 0 (слабое избегание неопределенности) до 100 (сильное избегание неопределенности), но технически может быть в определенных случаях как ниже 0, так и выше 100.

Пятое измерение – конфуцианский динамизм или долгосрочная/краткосрочная ориентация (LTO). Этот показатель также еще называется патернализмом. Долгосрочная ориентация относится к обществу, которое ориентировано на будущие награды, ему характерна настойчивость и бережливость. Краткосрочная ориентация относится к обществу, которое отдает приоритет прошлому и, главное, настоящему [49, pp. 351-354]. Данному обществу характерно уважение традиций, сохранение "лица" и выполнение социальных обязательств. Этот

показатель отражает, насколько общество стратегически ориентируется на будущее, в противоположность краткосрочной (тактической) ориентации. А также насколько более “слабые” представители общества испытывают высокую потребность в защите и опеке со стороны более “сильных” представителей данного общества [18, с. 90-98].

Формула расчета данного индекса (1.5) [48]:

$$LTO = -20m(10) + 20m(12) + 40 \quad (3.5)$$

где $m(10)$, $m(12)$ - значение оценки вопроса 10, 12 соответственно.

Индекс варьируется в пределах от 0 (краткосрочная ориентация) до 100 (долгосрочная ориентация), но технически может быть в определенных случаях как ниже 0, так и выше 100.

Целью данной работы является анализ, насколько белорусы готовы к рыночным реформам, степень адаптации белорусского народа к подобным реформам на сегодняшний момент. Инструментами данного анализа являются “Модуль исследования ценностей 1994” и сравнительный анализ культур по методике Тромпенаарса. Был проведен опрос согласно данному модулю (анкета находится в приложении А; методики Хофстеда соответствует 1 блок, методики Тромпенаарса 2 блок). В опросе приняли участие 202 респондента. Из них 74 респондента находятся в интервале от 16-25 лет, по 64 респондента – в интервале от 26-45 и 46 и выше лет. Сам опрос составлен согласно оригинальным вопросам Хофстеда и Тромпенаарса и методике подсчета результатов [33, 34, 48].

В целом Хофстед и другие исследователи по данным пяти измерениям делят, прослеживается группировка стран в два крупных блока, два “материка” [23, с. 21-43]:

- развитые страны европейской цивилизации - для их хозяйственной культуры характерны сильный индивидуализм (ранги порядка 60-90), низкая дистанция власти (ранги порядка 20-40) и высокая готовность к риску (ранги избегания неопределенности порядка 30-60);

- страны восточного типа и развивающиеся страны (Япония, новые индустриальные страны Азии и Латинской Америки, некоторые слаборазвитые страны Европы) - регионы с доминированием слабого индивидуализма (ранги порядка 10-50), высокой дистанцией власти (ранги порядка 50-80) и избеганием неопределенности (ранги порядка 65-90).

Более конкретно эти две большие группы разбивались на 8 типологических подгрупп [12, с. 149-168]:

Первая группа – это страны индивидуалистско-романской экономической культуры (Бельгия, Франция, Испания). Для них характерно достаточно высокий уровень дистанции власти, высокая

степень избегания неопределенности, от среднего до высокого показатели индивидуализма, умеренная мужественность.

Вторая группа – страны корпоративно-романского типа экономической культуры (Португалия и ряд латиноамериканских стран). Эти страны отличаются значительной дистанцией власти, высоким желанием избежать неопределенность, низким уровнем индивидуализма, показатель мужественности от низкого до высокого.

К третьей группе относятся страны Австрия, Германия и Швейцария. Это страны германского типа экономической культуры, которому характерны: низкий уровень дистанции власти, от умеренного до высокого показатель избегания неопределенности, умеренный уровень индивидуализма, степень мужественности варьируется от умеренной до высокой.

Четвертая группа стран – это страны скандинавского типа экономической культуры (Дания, Норвегия, Финляндия и Нидерланды) с низким показателем дистанции власти, показателем избегания неопределенности от умеренного до высокого, с такой же характеристикой уровня индивидуализма, а также с низкой степенью мужественности.

Пятая группа – страны англосаксонского типа экономической культуры (Великобритания, Австралия и Канада). Характеризуются высоким уровнем индивидуализма, низким уровнем дистанции власти, от умеренного до низкого стремлением избежать неопределенность, высокая степень мужественности.

Шестая группа включает страны эллинского и семитского типов экономической культуры (Грецию, Турцию, Ливан, Иран). В них доминирует высокий уровень дистанции власти, низкий уровень индивидуализма, умеренная степень избегания неопределенности, средняя и высокая степень мужественности.

Седьмая группа (Япония) отличается умеренным показателем дистанции власти, высоким стремлением избежать неопределенности, умеренным уровнем индивидуализма, высокой степенью мужественности.

Восьмая группа состоит из стран-представителей корпоративно-азиатской экономической культуры (Пакистана, Индии, Тайваня, Таиланда, Филиппин, Сингапура). Характеризуется высоким уровнем дистанции власти, от низкого до умеренного уровня избегания неопределенности, низким уровнем индивидуализма, умеренной степенью мужественности.

Согласно методике анализа и подсчета результатов, используемой в VSM 94, по Республике Беларусь получились следующие данные.

Таблица 3.2 Показатели Хофстеда по Республике Беларусь

Дистанция власти (PDI)	Индивидуализм (IND)	Маскулинность (MAS)	Избегание неопределенности (UAI)	Долгосрочная ориентация (LTO)
61,5347	38,8614	48,4653	75,88224	60,6931

Примечание - Источник: собственная разработка, на основе проведенного опроса

Для белорусского народа характерен умеренно высокий уровень дистанции власти, низкий индивидуализм, высокий уровень избегания неопределенности, умеренная степень маскулинности, умеренный показатель конфуцианского динамизма.

Согласно этим данным сначала построим корреляционное поле по двум переменным Хофстеда - индивидуализм, дистанция власти (приложение Б.1). По данным измерениям видно, что Республика Беларусь находится между Западом и Востоком, тяготея на данном этапе к Востоку. Если учитывать классическую группировку стран, приведенную выше, то Республика Беларусь ближе к странам корпоративно-романского типа экономической культуры.

Теперь разгруппируем страны согласно 4 характеристикам Хофстеда³¹. За основу рассмотрения группы стран рассматривались индексы четырех ментальных ценностей: индивидуализм, дистанция власти, избегание неопределенности, маскулинность. Согласно Хофстеду, эти ментальные черты присущи в той или иной степени представителям различных стран. В целом, исследователи, изучая показатели, выделенные Хофстедом, анализируя и делая выводы, графически использовали по две переменные, сравнивая их с эталоном.

Перед тем как построить график на основе четырех переменных возьмем за предпосылку, что именно дистанция власти и индивидуализм являются основополагающими характеристиками, которые могут четко разграничить исследуемые страны.

Две другие черты (избегание неопределенности и маскулинность) посчитаем не столь очевидными для представления человеческого поведения, но определим их роль, как своего рода усилитель (катализатор) первых базовых двух черт. Для того чтобы учесть все четыре показателя и выразить их графически, возьмем площадь фигуры, которая получается при нанесении данных измерений на координатное поле.

Так как замечено, что большому показателю индивидуализма, как правило, соответствует малая дистанция власти, поэтому за основу расчета

³¹Пятую характеристику (долгосрочная ориентация) затруднительно учесть вследствие того, что данное измерение рассчитано не по всем странам.

была взята разность между индивидуализмом и дистанцией власти (основание фигуры). Сразу становится ясно, что странам так называемого прозападного менталитета будет присуще положительная разность этих показателей, затем идут страны, где дистанция власти и индивидуализм приближаются друг к другу, но дистанция становится больше, соответственно разность становится отрицательной. Это уже будет соответствовать странам конфуцианского менталитета. Можно также сделать определенные выводы, что высокое избегание неопределенности, которое возникает в странах с низким и умеренным индивидуализмом и достаточно высокой дистанцией власти, будут вызывать большее сопротивление при отрицательной разности индивидуализма и дистанции власти. Соответственно и общий отрицательный показатель будет усиливаться. Оценка склонности людей к маскулинному поведению будет также усиливать разность между индивидуализмом и дистанцией власти в зависимости от количественного показателя маскулинности. Так ориентация на материальный успех и жесткость в странах с высокой дистанцией власти и низким индивидуализмом будет играть на дальнейшую консервацию и усиление этих основных ментальных черт. Математически это можно выразить в сумме площадей двух треугольников: треугольника с координатами дистанции власти, маскулинности и индивидуализма и треугольника с координатами дистанции власти, избегания неопределенности и индивидуализма (приложение В.1).

Учитывая четыре хофстедовских измерений (дистанция власти, индивидуализм, избегания неопределенности, маскулинность/фемининность) можно четко проследить группировки стран.

Страны на рисунке от Австрии до Канады (фиолетовый цвет) можно назвать странами с классическим рыночным менталитетом – низкий уровень дистанции власти, свидетельствующий о жестких правовых равноправных основах общества, высокий уровень индивидуализма, высокий уровень маскулинности, означающий напористость, инициативность, карьеризм, целеустремленность. Уровень избегания неопределенности от низкого до умеренного, означающий готовность людей к нововведениям.

Страны от Франции до Италии (синий цвет) также можно отнести к странам с рыночным менталитетом, хотя и не совсем в классическом варианте. Им характерен умеренный уровень дистанции власти, высокий уровень индивидуализма, от низкого до умеренного уровня маскулинности (что свидетельствует о “женственности” данных стран, приоритета межличностных отношений, ценность окружающего пространства),

уровень избегания неопределенности преимущественно от умеренного до высокого.

Страны от Аргентины до Сингапура (в том числе и Республика Беларусь) (голубой цвет) – страны, занимающие промежуточное место между Западом и Востоком. Им характерен от умеренного до выше среднего уровень дистанции власти, от низкого до умеренного уровень индивидуализма, различный уровень маскулинности и показатель избегания неопределенности от умеренного до выше среднего.

Остальным странам (на рисунке они выделены красным цветом) соответствует нерыночный менталитет.

Наряду с различными проектами этнометрических исследований, которые проводятся различными организациями, существуют и отдельные обществоведы, целью деятельности которых, также является измерение экономической ментальности, выявление особенностей организационной культуры. Один из них — соотечественник, ученик и активный критик Хофстеда, голландский социальный психолог Ф. Тромпенаарс. Он признает за Хофстедом несомненное новаторство в данной области, но считает, что его концепция имеет некоторые существенные ограничения. В первую очередь это касается его критики Хофстеда за изучение лишь статичного компонента культуры. Сам же Тромпенаарс для устранения этого недостатка создал динамичную семииндексную модель, в основе которой лежат фундаментальные процессы, протекающие в становлении и функционировании ментальных особенностей каждой нации и составляющие целостную культурно-ценностную картину мира, которая и определяет основные принципы, формы и методы взаимодействия (в первую очередь, Тромпенаарса интересовала сфера организационно-деловых отношений между представителями различных культур), основные проблемы, которые “волнуют” нацию и модели их решений [21, с. 86-91].

В основе методики Тромпенаарса лежит метод дилеммы. Как было сказано выше, Тромпенаарс выделил семь фундаментальных процессов, которые и оценил с помощью данного метода. Данный метод предполагает, что для оценки семи показателей использовались дилеммы в виде двух противоположных мнений по поводу определенной ситуации (Тромпенаарс называл вопросы в дилеммах “правильным ответом” и “неправильным ответом”). Суть состояла в том, что респондент должен был выбрать для него правильный ответ из двух крайностей. После этого рассчитывается процент респондентов, которые выбрали “правильный ответ” или “неправильный ответ” [34, pp. 22-23].

Главный тезис заключался в том, что “каждая ценность в данной паре дилемм способна привести к экономическому успеху” [34, p. 10], т.е.

неважно, какая система ценностей лежит в основе нации, важно правильно их использовать. Каждый из этих семи культурных измерений (процессов) имеет решающее значение для создания и увеличения благосостояния нации во времени (в динамике). А главное то, что ясное понимание ценностных процессов в каждой стране может помочь “примирить” крайности различных культур и обеспечить экономическое взаимопонимание и взаимодействие между различными странами, отличающиеся друг от друга культурными представлениями, которые влияют на заключение договоров, сделок, союзов и просто для построения межличностных отношений³².

Семииндексная модель состоит из семи фундаментальных, по Тромпенаарсу, показателей: универсализм vs. партикуляризм, специфичность vs. диффузность, индивидуализм vs. коммунитарность, достигнутое vs. предопределенное, последовательность vs. синхронность, внешний контроль vs. внутренний контроль (я и окружение), аффективность vs. нейтральность.

Согласно проведенному опросу получились следующие результаты:

1) Универсализм vs. партикуляризм. В универсалистских культурах законы, правила и писанные нормы имеют приоритет над интересами и чувствами отдельного человека, его друзей и близких. Правила применяются ко всем без исключения и действуют для всех одинаково в любой ситуации. В таких странах законы более значимы, чем личные связи и отношения. Для партикуляристских культур характерен приоритет человеческой дружбы, человеческих отношений. Правила могут быть приемлемы и исполняемы, но из них в определенных случаях делаются определенные исключения. В данном обществе приоритет отдается личным отношениям и родственным связям. Поведение человека сильно зависит от конкретных обстоятельств и вовлеченных в ситуацию людей. Дилемма состоит в том, что для людей данного общества важнее: законы и правила или личностные связи [34, р. 10-11].

Видно, что Республика Беларусь имеет ярко выраженную склонность к партикуляристским отношениям (рисунки Г.1 и Г.2 в приложении Г). Несмотря на осознание важности законов и правил, огромное значение

³²В своих книгах Trompenaars Hampden-Turner Ch. *The Seven Cultures of Capitalism*, New-York: “Doubleday”, 1993 и Тромпенаарс Ф. и Хэмпден-Тернер Ч. “Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса” исследовал выделенные им культурные процессы и дилеммы, определил характерное поведение представителей различных культур, влияние на построение деловых отношений, а также разработал специальную методику и алгоритм для “примирения” различных культур и способы достижения взаимопонимания в ведении деловых отношений.

имеют личные связи и отношения. Можно сделать вывод, что приоритет имеет “дух закона”, а не ”буква закона”. Существует склонность применять общие правила и нормы, в зависимости от конкретных ситуаций и замешанных в них людях. Правила и законы воспринимаются как абстракции, которые не всегда должны применяться к людям.

2) Анализирование vs. интегрирование (или специфичность vs. диффузность). Дилемма состоит в том, как люди воспринимают окружающий мир — как сумму самостоятельных компонентов или как единое целое. Для одних культур свойственно разделение целого на части, отдельные компоненты, т.е. делается анализ, и на его основе делаются выводы о мире в целом. Для других культур свойственно изначально комплексное рассмотрение мира. Для них мир – это единое целое [34, pp. 34-35].

Согласно полученным данным белорусам свойственно противоречивое восприятие мира (рисунки Д.1 и Д.2 в приложении Д). Так с одной стороны, для белорусов в своей непосредственной деятельности характерно специфичность (конкретность) восприятия окружающего мира. Он воспринимается как совокупность отдельных компонент. Людям свойственно разграничение своих функций.

С другой стороны, люди воспринимают мир и межличностное общение в нем как единое целое, непрерывную, динамичную систему, в том числе и деловые отношения. Отдается приоритет межличностным связям, отношениям, психологическому климату. Организация воспринимается как совокупность людей, которые выполняют определенные функции, а не наоборот.

3) Индивидуализм vs. коммунитарность (коллективизм). Что важнее: интересы личности, ее благосостояние, ее права или интересы всего общества? В индивидуалистических обществах любой человек ставит свои личные интересы над интересами общества. При доминировании индивидуализма само общество и эффективность всей системы оценивается с точки зрения того, как оно удовлетворяет отдельные интересы ее членов. При преобладании коллективизма все происходит наоборот: интересы группы, доминируют над индивидуальными интересами. Отдельные люди в таком обществе несут большую ответственность за свои действия, которые в целом обязаны идти на пользу всему обществу. Здесь в первую очередь оценивается сам человек (значимость которого зависит от того, как он служит интересам сообщества), а не общество [34, pp. 56-57].

Согласно графикам для белорусов характерен умеренный индивидуализм, т.е. сочетания в культуре как индивидуалистических, так и коллективистских характеристик (рисунки Е.1 и Е.2 в приложении Е).

Люди стремятся “сбиваться в группы” и чувствуют свою зависимость от коллектива. Осознают важность общих интересов, достижение общего блага. Но при этом для людей также находятся в приоритете свои личные интересы и выгоды.

Такой результат также можно объяснить тем, что с распадом СССР постепенно происходит проникновение западного мировоззрения (особенно это касается молодого поколения), что и обуславливает сосуществование одновременно индивидуалистско-коллективистских черт.

4) Достигнутое vs. предопределенное. Ценятся ли в обществе больше личные достижения или индивид оценивается по социальному статусу, полученному при рождении. В одних обществах люди оцениваются в первую очередь по их личным качествам и достижениям. В других – определяющую роль играет социальный статус (или же возраст, пол, образование и т.д.) [34, pp. 87-91].

Для белорусов в первую очередь имеет значение личные достижения и заслуги людей, а не их социальный статус. Критерий справедливости – каждый человек должен получить то, что заслужил собственными действиями и усилиями. Причем человек должен постоянно совершать усилия в настоящем, а не “выезжать” за счёт прошлых заслуг (рисунок Ж.1 в приложении Ж).

5) Последовательность vs. синхронность. Ко времени в разных культурах также относятся по-разному. В некоторых обществах гораздо важнее текущее положение человека и его будущее, чем его же прошлое. В других же обществах приоритет отдается прошлому. Различия между культурами строятся на структурировании времени и ориентации на прошлое, настоящее или будущее. В определенных культурах время воспринимают как линейное движение по прямой линии в виде последовательности разделенных между собой событий. В других культурах считается, что время циклично. Оно совершает постоянный и непрерывный круговорот, где настоящее и прошлое связаны воедино, а будущее воспринимается как набор возможностей. Все это оказывает влияние на ориентацию культуры (долгосрочная перспектива или же краткосрочная). Так же это влияет на манеру планирования, стратегическое мышление, инвестиционные предпочтения и взгляды на то, растить ли собственные таланты или искать их на стороне [34, pp. 135-137].

Белорусам характерна преимущественно краткосрочная ориентация во времени (рисунок И.1 в приложении И). Акцент делается в первую очередь на признание ценности прошлого, и особое внимание уделяется настоящему, люди испытывают сильную зависимость от традиций и выполнения исторической миссии. Основное внимание

уделяется получению выгоды в кратчайшие сроки, превалирует низкий уровень сбережений, недостаточно высокие инвестиции в развитие, ожидание быстрого результата.

6) Внешний контроль vs. внутренний контроль. Люди считают, что внешней средой надо управлять, или же они стремятся жить в гармонии с окружающим миром. В ряде культур считается, что приоритет должен отдаваться внутреннему миру человека. Сила духа, способности и интеллект человека могут изменить мир. В других культурах окружающий мир представляется людям сильнее человека. Природа заслуживает высшего почитания и подражания [34, pp. 11].

В обществе отдается приоритет построению гармоничных отношений, а не доминантных (рисунки К.1 и К.2 в приложении К). Считается, что на жизнь, в первую очередь, влияют внешние, а не внутренние факторы. Большинство людей думают, что не являются хозяевами собственных судеб, а результаты предпринимаемых усилий преимущественно зависят от обстоятельств, которые им неподконтрольны [34, pp. 11].

7) Аффективность vs. нейтральность. Насколько люди стесняются публичного проявления сильных чувств и эмоций. В одних культурах открытое проявление эмоций обычно считается неуместным, особенно в деловой среде. Ценится сдержанность, нейтральность, умение контролировать свои чувства, не показывать их окружающим. В других же культурах, наоборот, эмоциональность и ее проявление считается нормой [34, pp. 11].

Исследование показало, что в целом белорусам характерно показывать свои эмоции публично. Присутствует эмоциональная окраска при принятии решений в деловых отношениях (рисунок Л.1 в приложении Л).

Можно выделить ряд фундаментальных ментальных процессов, которые характерны всем нациям без исключений. В своих методиках и Хофстед, и Тромпенаарс затрагивали их. Можно соотнести их показатели с данными процессами (причем, то, что данные показатели относятся к одному и тому же ментальному процессу не делает их тождественными друг другу). Результаты представлены в следующей таблице 3.3.

Таблица 3.3 Сравнительная характеристика результатов согласно методикам Хофстеда и Тромпенаарса по Республике Беларусь

Отношения временной ориентации	LTO	синхронность/последовательность	По Хофстеду обществу характерна среднесрочная ориентация. Согласно измерению Тромпенаарсу – краткосрочная ориентация (показатель ближе к рыночному).
Отношения восприятия “человек-группа”	IND/COL	индивидуализм/коммунитарность	Согласно методике Хофстеда Республика Беларусь находится между Западом и Востоком, пока тяготея к Востоку. По Тромпенаарсу показатель индивидуализма более высок (умеренный индивидуализм).
Отношения восприятия “человек-природа”	нет соответствия	внешний контроль/внутренний контроль	Согласно данному показателю белорусам свойственен внешний контроль над их жизнью - несопротивление обстоятельствам, подчинение внешним факторам, приоритет гармоничных отношений (нерыночный показатель).
Отношения человека к человеку (модальность восприятия отношений в социуме)	PDI	универсализм/партикуляризм	Согласно измерению Хофстеда Республика Беларусь находится между Западом и Востоком, на данном этапе тяготея к Востоку. Согласно измерению Тромпенаарса в Республике Беларусь ярко выраженный нерыночный показатель.
Отношения восприятия окружающего мира	UAI	специфичность/диффузность	По Хофстеду в Республике Беларусь – высокое избегание неопределенности (нерыночный показатель). Согласно Тромпенаарсу показатель специфичности/диффузности имеет противоречивое значение.
Отношения приспособления к окружающей среде	MAS/FEM	аффективность/нейтральность	Белорусам характерна умеренная маскулинность (по Хофстеду). Согласно Тромпенаарсу обществу характерна эмоциональность (нерыночный показатель).
Также Тромпенаарсом было выделено такое измерение, как достигнутое/предопределенное	нет соответствия	достигнутое/предопределенное	По Тромпенаарсу людям в первую очередь важны личные достижения и заслуги (рыночный показатель).

Примечание - Источник: собственная разработка

Кроме методик Тромпенаарса и Хофстеда существует ряд других методик для определения экономической ментальности. В данной работе также был проведен опрос согласно методике российского ученого З.В. Сикевича, а также определение мотивов людей на основе некоторых элементов из методики Шварца.

В опросе приняло участие 160 человек (приложение М, 1 блок). Выборка была разбита на возрастные квоты (в каждой по 40 человек): 15-24, 25-35, 36-45 и 46 и выше.

З.В. Сикевич изучал этническое самосознание и разработал методику, позволяющую определить готовность народа к рыночным реформам. Он считал, что “ядро характера народа воспроизводится из поколения в поколение, благодаря преемственности этнической культуры, проявляющейся в общих символах, которые усваиваются и интериоризируются благодаря общему языку, единому историческому прошлому, традициям, ритуалам и обрядам” [30, с. 137], и именно это детерминирует стиль мышления и поведения. Этнопсихологическое самосознание рассматривается как один из элементов менталитета. Исходный материал - национальный фольклор в виде наиболее употребляемых пословиц, так как это наиболее яркая, красочная и, главное, крепкая “повозка традиций”, настойчиво преодолевающая время. Пригодность пословиц состоит в том, что: 1) это своего рода устойчивый социальный стереотип (“поучение”), отложившийся в народной памяти; 2) пословица имеет не прямое, а завуалированное суждение, которое в тексте опросного листа может выполнить функцию косвенного контрольного вопроса; 3) пословица, как развернутый образ — своего рода альтернатива понятийному мышлению, к которому “апеллирует большинство вопросов, и поэтому для респондента, работающего над анкетой, эта процедура выполняет функцию психологической релаксации, способствующей повышению надежности результатов” [30, с. 137-152].

В целом пословицы были поделены на три ключевых направления (в соответствии с качествами и поведением, способствующим становлению рыночного уклада): активность/пассивность, рачительность/надежда на удачу, “рыночное” поведение/традиционное поведение.

Можно отметить, что это исследование З.В. Сикевич проводил в России в 1995 г. и пришел к выводу об отсутствии у русского респондента установок на рыночную экономическую ментальность, несмотря на ярко выраженную ориентацию на активность. Хотя многие исследователи, опираясь на его же результаты, приходят к противоположному результату (А.И. Наумов, Ю.В. Латов) [23, с. 21-43].

В этом же блоке содержится вопрос, касающийся отношения к собственности. Собственность является общеэкономической категорией и

наиважнейшим элементом экономической системы. От восприятия людьми и властью данной категории зависит сама сущность и форма экономической системы.

Рассмотрим специфику исследований экономической ментальности по методике З.В. Сикевича, которая в основу измерения тяготения к традиционной или рыночной хозяйственной ментальности положила такие критерии, как активность-пассивность, рачительность-надежда на удачу, “рыночное” поведение - традиционное поведение. Результаты представлены в таблице 3.4.

Таблица 3.4 Результаты опроса по методике З.В. Сикевича

Ценности, способствующие развитию рыночного хозяйства	%	Ценности, препятствующие развитию рыночного хозяйства	%
Активность		Пассивность	
Богу молись, а своего ума держись;	26,47	Что ни делается - все к лучшему;	20
На счастье надейся, а сам не плошай;	48,23	Кто живет тихо - не увидит лиха;	5,2
Рачительность		Надежда на удачу	
Терпение и труд - все перетрут;	80	Живи, ни о чем не тужи, проживешь - авось еще наживешь;	20
“Рыночное” поведение		Традиционное поведение	
Дружба - дружбой, а денежки врозь;	13,5	С родной земли - умри, не сходи	19,4
Не пойман - не вор, а что взято, то и свято;	11,76	Заработанный ломоть лучше краденного каравая;	52,9
Индивидуализм/склонность к наживе		Коллективизм/приспособление	
Доброе дело пуще дубины;	72,35	Не бить, так и добра не видать;	27,65

Примечание - Источник: собственная разработка

Данные опроса показывают, что и здесь рыночное и традиционное разделилось примерно поровну. Согласно ему наши люди, в первую очередь, рачительны, несколько отстает показатель активности, но, тем не менее, большинство населения активно. Хотя можно и отметить, что поговоркой “терпение и труд все перетрут”, которая отвечает за рачительность, воспитывали людей ещё в те времена, когда рыночная ментальность была нам чужда. В показателях “рыночное” поведение - традиционное поведение, коллективизм-индивидуализм победа осталась за нерыночными показателями. Хотя пословица “заработанный ломоть лучше краденного каравая”, можно посчитать крайне спорной для определения традиционного поведения. Воровство- оно и в Евросоюзе воровство.

Данная методика подтверждает преобладания в белорусском обществе коллективизма и как способ реагирования на внешние обстоятельства, приспособление, а не борьба с ними.

В этом же блоке содержится вопрос, касающийся отношения к собственности. Собственность является общеэкономической категорией и наиважнейшим элементом экономической системы. От восприятия людьми и властью данной категории зависит сама сущность и форма экономической системы. И вот тут оказалось, что до рыночной ментальности белорусам еще далеко. Количество людей, которые видят в собственности лишь возможность простого потребления в два раза больше. То есть, это в очередной раз показывает, что наше общество, в основном, состоит из потребителей. Кстати это и видно по нашим магазинам. Стоит только вырасти ненамного доходам населения, как в магазинах оставляется основная часть доходов. Да и что говорить, если поговорка “что не делается все к лучшему” была принята за основу не самым малым процентом опрошенных.

Мотивы людей изучены на основе нескольких элементов из методики Ш. Шварца [51].

Вопросы, взятые из блоков его методики, сохранность (безопасность), комфортность (традиционализм), открытость нововведениям. Так же анкета была дополнена вопросами о личных мотивах (установках) поведения людей (приложение М, 2 блок).

Было выделено семь фундаментальных мотивов людей:

- 1) Правопослушание;
- 2) “Благоразумие поведения”;
- 3) Риск;
- 4) Любознательность;
- 5) Тяга к независимости и автономности;
- 6) Чувство защищенности (патернализма);
- 7) Эгоизм/альтруизм.

Крайне важно проанализировать насколько эти мотивы рыночные или традиционные. Важно сразу оговориться о рыночных мотивах. Подавляющее большинство населения на вопросы о риске, любознательности как необходимой составляющей, об инновациях и творчестве, принятии собственных решений, а также о том, что люди должны делать то, что говорят, проголосовало за рынок. Позитивной тенденцией является то, что большинство людей считает, что законы нужно ценить и соблюдать, даже если никто за этим не следит. Хотя эти критерии считались положительными и в докапиталистическую эпоху. В пользу рыночных мотивов экономического поведения можно отнести и то, что за ценность традиций, что старое лучше нового проголосовало всего

одна треть опрошенных. И вот, когда можно сказать, что в основе мотивов экономической деятельности нашего населения лежит рыночная ментальность, последний вопрос о том, что в основе поведения человека должна лежать собственная выгода, положительно отвечают менее трети опрошенных. Вот он краеугольный камень торможения наших рыночных реформ. Если даже определить, что те, кто затруднился ответить, а их почти столько же, сколько и за выгоду, то мы приходим опять только к тем результатам, которые уже были получены ранее. К тому же характерной чертой белорусов является то, что, несмотря на достаточно большие сдвиги в рыночном менталитете, абсолютное большинство опрошенных все же считает, что государство должно активно вмешиваться в разные сферы и брать на себя часть ответственности. Эту особенность весьма хорошо охарактеризовал в 1994 г. специалист по международному бизнесу Т. Морисон: “У белорусов есть огромное стремление к независимости, автономности, но они глубоко завязли в традициях, и имеют склонность без сопротивления идти за сильным лидером” [2, с. 23].

То есть опять прослеживается лишь противоречивое отношение к рыночным реформам. Вроде бы все только за них, и ментальность населения стала более рыночной за прошедшие 20 лет, но как только вопрос касается краеугольных столпов рынка, таких как собственность и выгода, тут движение вперед останавливается. Тут все и всем хочется оставить по-старому. Хотя людей в существующем отношении к рынку можно понять. Все понимают, что справедливости в этих вопросах достичь не удастся, а хуже всего то, что в действие вступит в полную силу коррупционная составляющая. Поэтому лучше уж пусть остается все также, чем по-другому. А пример России, как там все некрасиво получается на сегодняшний день, с ее коррупцией, огромным оттоком капитала, беспределу с землей и природными ресурсами не является для населения Республики Беларусь положительным примером рыночных реформ. Но если все-таки рассуждать по полученным результатам, то за прошедшее время можно отметить положительную динамику изменения экономической ментальности у населения Республики Беларусь. Люди меняются, хотя противоречивое отношение к рыночным реформам остается. Но разбежка результатов за и против стала намного меньше. Можно сказать, что ментальность населения по своему отношению к рыночным реформам сейчас делится примерно поровну и даже немного больше к рынку. Ну а каким путем надо идти дальше стране, то по опросу, на сегодняшний день, понятно только одно, что эволюционным.

3.3 Неформальные институты и противоречия в реализации рыночной реформы в Республике Беларусь

Основное противоречие в реализации стратегии рыночной экономической реформы в Республике Беларусь состоит в том, что изменение формальных институтов значительно опережает изменений неформальных.

В начальный период реформ в Республике Беларусь считалось, что институциональную структуру общества можно перестроить ускоренными методами, отобрав, т.е. заимствовав наиболее эффективные образцы. Но и через 20 лет отчетливо видны противоречивые результаты. Наряду с позитивными результатами проявились и непредвиденные последствия, социальные издержки реформ, отсутствие рывка в экономическом развитии. Отсюда появились разочарования и критика реформ, концепции, которые утверждали, что смена институциональной среды может быть обусловлена только сменой поколений.

Как показала практика, на вводимые новые формальные правила оказывают отнюдь не последнее значение неформальные институты, сложившиеся в странах бывшего СССР. Причем, различие в неформальной институциональной среде бывших республик, не смотря на общность их предыдущего развития, показало, что нигде рыночные реформы, предложенные экономистами успешных западных стран, не привели к рывку в экономическом развитии, росту благосостояния населения и самое главное, реформы не были восприняты большинством населения положительно. Мало того, некоторые страны, в первую очередь азиатского региона, показали наихудшие результаты в сменившейся институциональной среде. В первую очередь, это связано с различием культур в новых странах. Невозможно переделать институциональные структуры стран восточной культуры, чтобы они стали похожи на западные. Результаты стран, которые имели некоторую схожесть с западными (Республика Беларусь, Российская Федерация, а особенно балтийские страны) показали немного лучшие результаты. Тем не менее, расстояние до результатов, которые ожидалось самим населением этих стран перед началом реформ, оказалось на сегодняшний день больше, чем было 20 лет назад. Конечно, понятно, что институциональные изменения требуют определенного времени. Тем не менее, введение новых формальных правил, которые должны были реформировать экономический уклад, натолкнулось на подводные камни неформальных институтов, сложившихся в каждой стране. Не только в коммунистическом Советском Союзе, но и в Российской империи (в состав которой попала

наша страна после 1795 г.) весь уклад жизни строился на государственно-общинной традиции, где нет правового государства и гражданского общества, поэтому любая власть, основанная на силе, всегда значила больше, чем закон. Это видно и сейчас. Во всех без исключения странах бывшего СССР образовались жесткие вертикали власти с президентским правлением. Такие черты национальных традиций, как ведение экономической деятельности в составе группы, привычка к безвозмездной помощи, пассивность и апелляция к власти при экономических трудностях - это еще не все черты современного ведения экономического хозяйства. С другой стороны и сама власть устанавливает такие же правила игры с субъектами, создавая условия постоянной зависимости экономических субъектов от самой власти. Традиционные ценности в общей форме одобряют инновации и личный успех, но социальная адаптация индивидов протекает предпочтительно в составе группы, тяготеет к вхождению в определенную структуру, боязнь действовать в одиночку на свой страх и риск, уравнилельно-иждивенческие стереотипы, ориентация на обязательства государства перед каждым работающим, не зависимо от его позитивного вклада. Все эти черты были связаны с еще недавно существовавшей государственно-коммунистической традицией и спокойно перешли в новую экономическую формацию. Все это в совокупности снижает мобильность экономических агентов, порождает "иррациональные" ожидания. Большинство людей верили и верят в доброго царя (хотя и это постепенно начинает уходить), как правило, слепо веря в законы, которые вводятся государством. Конечно, стоит отметить, что и само государство старается поддержать эти черты в обществе, ограничивая предприимчивость людей экономическими методами (например, высокий социальный налог, который заведомо делает убыточным любое предприятие), несмотря на все заверения в том, что все делается для развития предпринимательской инициативы. В свою очередь, такая практика заставляет уже существующих предпринимателей идти по пути сокрытия доходов, с целью уже не только личной выгоды, но и сохранить предприятие на плаву. Здесь и возникают ростки этих неформальных правил в виде коррупции, устраивающие не только государственные службы, которые по определению должны бороться с такими явлениями, но и самих субъектов, которые играют по этим же правилам. Такие серые схемы не позволяют идти в бизнес наиболее честную и многочисленную группу потенциальных предпринимателей из боязни натолкнуться на препятствия, отнюдь не связанные с предпринимательской деятельностью. Наоборот, в отсутствии конкуренции процветает группа, которую устраивают такие серые, коррупционные схемы. Такая долго всех устраивающая неформальная

схема распределения доходов может надолго законсервировать неформальное правило (коррупцию) и превратить формальные в безжизненный бумажный регламент.

Анализ наших преобразований свидетельствует о том, что трудности позитивных институциональных изменений вызваны во многом убежденностью реформаторов в том, что можно написать и принять хорошие законы, и жизнь будет спонтанно меняться к лучшему в соответствии с их предназначениями. Между тем успехи и неудачи наших реформ подтверждают, что необходимые институциональные изменения требуют систематических усилий и затрат в течение длительных периодов времени на основе продуманных и гибко корректируемых по обстановке программ. В противном случае реформы затягиваются или сопровождаются высокими издержками и потерями. Впоследствии эти результаты трактуются в качестве доказательства того, что реформы провалились и что Республики Беларусь предначертан “особый путь”, поэтому западные новации излишни. Реформы, как и формальные правила, в конечном итоге, реализуются в изменении поведения субъектов, но их влияние зависит от того, насколько они сами изменчивы. И здесь на них очень большое влияние оказывают неформальные правила, которые документально не подтверждаются и не обязательны к исполнению. Соблюдение этих правил опирается на социальный капитал, доверие, репутацию участников, на уверенность в том, что другие знают эти правила и готовы их соблюдать. Как правило, эти правила привязаны к конкретным сегментам рынка. Часто они не прозрачны для внешнего наблюдателя, и понять, как они работают, нелегко. Но наше поведение в большинстве случаев определяется неписанными кодексами, нормами и условностями.

По результатам развития можно сказать, что в Республике Беларусь неформальные правила намного более значимы, чем в развитом западном мире. Все предыдущее развитие показывает нам, как долго приживалось налоговое законодательство в изменившихся рыночных условиях. Участникам рынка трудно было понять долгое время, зачем надо платить подоходный, социальный, пенсионный налог в бюджет. Искали обходные серые схемы. Прошло довольно большое время, пока эти законы “прижились”, и увеличилось наполнение бюджета, уменьшилось количество нарушений. Также можно сделать вывод, что неформальные нормы опираются на культурные традиции и ценности, утвердившиеся в данном обществе. Культурные традиции связаны с практиками поведения, вошедшими в привычку и закреплённые в местных обычаях. Чрезмерно идеологизированное белорусское общество с советских времен обязательно будет отторгать или тормозить, в силу привычки, новые

формальные правила, которые будут спускаться сверху, если у общества будет право выбора следовать этому правилу или нет, не смотря на их видимый в будущем положительный эффект. Иногда вводимые формальные правила входят в конфликт с неформальными, которые уже существовали продолжительное время у определенной группы людей, профессий. Например, законы о легализации доходов такси тоже приживались трудно, в силу устоявшихся неформальных правил поведения этой группы людей. Поэтому здесь, скорее всего, произошла консервация частичных институциональных преобразований. Можно также отметить, что формальные, неформальные правила, культурные традиции изменяются с разной скоростью. Новый закон может быть принят относительно быстро, неформальные правила поддаются изменениям с трудом. Устоявшиеся традиции и ценности обладают наибольшей инерцией. Они не перестраиваются автоматически вслед за изменением формальных норм. Если принятие нового закона направлено на то, чтобы заставить участников рынка изменить неформальные формы схемы поведения, корректировать неформальные правила, то потребуется настойчивое администрирование его исполнения, понуждение к исполнению, распространение прецедентов в течение определенного периода времени. Для воздействия на культурные слои одних административных мер недостаточно. Потребуются немалые усилия по обеспечению их поддержки широкой социальной средой. Здесь важная роль отводится средствам массовой коммуникации, которые тоже не могут перевернуть мир в одночасье

Как пример, привычки белорусской советской номенклатуры были переняты и нынешней. В стране сложился свой круг руководителей предприятий, работников министерств и ведомств. Именно они определяют и реализуют экономическую политику всей страны. Они находятся в привычном для них круге показателей и личных связей, управляя все еще практикующимися советскими подходами. Но за последнее время в этом круге произошли качественные изменения. Во-первых, снизилась квалификация и общий уровень подготовки его представителей. Кадрового резерва руководителей в республике просто нет. Ситуацию усугубляет привычная практика, ставшая уже традицией, включение в состав этого круга массы "своих людей" с невысоким уровнем подготовки. Но "личная преданность" квалификацию заменить не может. Во-вторых, недостаток денежных средств. Уже очевидно, что сохранить советскую структуру нашей экономики дальше не удастся. Многие небольшие предприятия необходимо либо ликвидировать или как-то реформировать. Но опыта становления современных производств в государстве почти нет. Даже советские навыки утрачены. Новых,

современных методов управления подавляющее большинство директоров просто не знает. Наши директора рассматривают свои предприятия как лишь временно не оформленную свою собственность. В-третьих, у руководства страны сегодня проблема с определением целей и стимулов для управленцев. Передав в управление этому кругу национальный капитал и не создав действенных стимулов для работы, трудно наладить контроль за использованием национального капитала. В результате отток квалифицированных управленцев, специалистов в Россию и на Запад шел, идет и будет только нарастать, усугубляя наши кадровые проблемы. В тоже время очень трудно или просто невозможно прийти во власть новым людям, молодежи с новыми прогрессивными идеями.

Патриархальные особенности менталитета и политической культуры большинства населения, отсутствие влиятельного среднего класса – характерные черты белорусского общества. По этим причинам белорусское общество отличается довольно низкий уровень социальной активности. Как и в советские времена, она протекает в основном в пространстве их частной жизни и почти не выражена в публичной сфере. За 20 с лишним лет ассоциированные группы интересов так и не стали основным способом организации повседневной жизни белорусов.

Сам менталитет белорусов, несмотря на то, что за двадцать лет построения рыночных отношений все же произошел качественный сдвиг в сторону западного, белорусский народ все еще находится в ловушке своего исторического пути.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переход к рыночным методам хозяйствования, реальная трансформация политико-экономических систем, выдвигает на первый план задачу кардинального и углубленного пересмотра институциональных основ хозяйственной деятельности. Особое значение приобретает изучение теоретических основ и практического опыта стран мира в целом, Беларуси в особенности, где использование механизмов таких изменений по институциональной динамике приводят к разным результатам.

По существу любые реформы обусловлены изменениями, основанными на динамике формальных и неформальных институтов. Иначе говоря, в любом обществе есть противоречия или жеопределенные соотношения между неформальными и формальными институтами, которые постоянно требуют своего совершенствования. Более того, именно неформальные институты играют наиболее важную роль в хозяйственной деятельности и определяют эффективность работы формальных институтов.

В данной работе проводилось исследование неформальных институтов, и выдвигалась гипотеза, что противоречие между устоявшимися неформальными институтами и внедренными формальными является причиной глубокого институционального конфликта, в определенных условиях могущего перерасти в кризис.

Надо отметить, что сама значимость данной проблемы изучается западными учеными и аналитиками на постсоветском пространстве. Но значительно переоценивается в политике реформ инициатива и активность разного рода государственных учреждений, которые имеют благие цели, но не имеют глубоких знаний своего историко-социологического контекста, создавая тем самым известную формулу: – движение – все, конечная цель – ничто. Неформальные институты всегда имели и имеют значение, что должно, безусловно, не просто изучаться, а использоваться в практике политико-экономического строительства, в практике реформ. Ведь если бы все было так просто, то страны «третьего мира», получившие политическую независимость еще в пятидесятые годы прошлого века, обеспечили бы себе сегодня устойчивый тренд к развитию. К сожалению, категория экономической ментальности, которая является ядром неформальных институтов и, следовательно, рамками возможностей и ограничений, не учитывалась и не учитывается до настоящего времени в отборе и селекции уже формальных институтов, фокусирующих стратегию политики реформ.

Ментальность является исторической памятью, “программным кодом”, определяющим основные установки, стереотипы и инстинкты поведения. И именно они лежат в основе хозяйственной деятельности и ее особенностях в различных странах. Основные теоретические наработки можно найти в трудах известных зарубежных и отечественных психологов, историков, экономистов и социологов. Но нет такой синтетической дисциплины, объединяющей эти накопленные знания. Сказывается дефект знания, обусловленный разделением труда в науке. Поэтому в работе проведен анализ становления и развития категорий “ментальности” и “экономической ментальности”. Были рассмотрены уровни и структура экономической ментальности, эволюция представления о ней. Освещен также основной подход к изучению экономической ментальности – этнометрический, т.е. направление в исследованиях, в котором анализируются ментальные характеристики различных этнических групп с использованием формализованных (математических) методов. Обзор основных методик этнометрических исследований дополняет понимание проблем изучения данного вопроса.

Отдельно получили трактовку вопросы влияния неформальных институтов на проведение рыночной реформы в Республике Беларусь. Ретроспективный анализ ментальности белорусского народа показывает устойчивую зависимость основных характеристик поведения населения, имеющих глубокие исторические корни. Были выделены основные этапы изучения белорусской ментальности, начиная с 16 века, где данный вопрос поднимался в контексте очерков различных путешественников, “гостей” с других стран и художественной литературы, и заканчивая активизацией данных исследований преимущественно современными социологами и психологами после распада СССР. Обзор авторов, которые занимались данными исследованиями в различный исторический период, позволил выделить основные характеристики ментальности, приписываемые ими белорусскому народу и тенденции их эволюции: степень индивидуализма, традиционализм, отношения господства, чувство времени, отношение к правилам и личным связям, отношение к природе и окружающей среде, характер отношений в социуме.

Поскольку главной целью данной работы было определение степени влияния неформальных институтов (в первую очередь самой экономической ментальности) на проведение рыночных реформ в Республике Беларусь, а также выявление динамики их изменений в соответствии с проводимыми реформами для подтверждения основной гипотезы работы (об антагонизме внедренных формальных и исторически сложившихся неформальных институтов), то был проведен опрос согласно современным международным методикам Г. Хофстеда, Ф.Тромпернаарса,

элементам методики Ш. Шварца, а также методике российского ученого З.В. Сикевича.

Методика Хофстеда позволяет определить статическую составляющую ментальности. Она основана на пяти показателях: дистанция власти, индивидуализм/коллективизм, избегание неопределенности, долгосрочная ориентация, маскулинность/фемининность.

Для Республики Беларусь характерно выше среднего (можно сказать умеренный) уровень дистанции власти, низкий индивидуализм, высокий уровень избегания неопределенности, умеренная степень маскулинности, умеренный показатель конфуцианского динамизма. Согласно данной методике Республика Беларусь занимает промежуточное положение между Западом и Востоком, немного ближе к Востоку.

Методика Тромпенаарса позволяет определить экономическую ментальность в динамике с помощью построения семииндексной модели, которая строится из семи фундаментальных, по Тромпенаарсу, показателей: универсализм vs. партикуляризм, специфичность vs. диффузность, индивидуализм vs. коммунитарность, достигнутое vs. предопределенное, последовательность vs. синхронность, внешний контроль vs. внутренний контроль (я и окружение), аффективность vs. нейтральность. Согласно данной методике Республика Беларусь также находится между Западом и Востоком, ближе к нерыночному менталитету.

Согласно данным, полученным по методике З.В. Сикевича, получается примерно такая же ситуация (результаты также показали, что белорусскому народу пока не совсем свойственен рыночный менталитет, хотя сдвиги на протяжении десятка лет конкретные есть). Также осталось нерыночное отношение к собственности: люди рассматривают отношение к собственности в первую очередь с позиции потребления, а не получения дохода. Что касается оценки мотивов людей, то здесь также противоречивая ситуация. За последние десятилетия отмечается позитивный сдвиг, в таких фундаментальных мотивах людей, как правопослушание, риск, любознательность, традиционализм и т.д. в сторону рынка. В ряде других мотивов – тяга к независимости, чувство защищенности, мотивов поведения “проголосовала” не в пользу рынка.

В этом и проявляется основное противоречие рыночной экономической реформы в Республики Беларусь: все еще остается противоречие между внедренными формальными и исторически сложившимися неформальными институтами, которое особо остро наблюдалось в самом начале проведения реформ.

Республику Беларусь пока нельзя назвать страной готовой к рынку (по крайней мере, по дистанции власти и индивидуализму, избегание неопределенности отношению к собственности и собственной выгоде, пониманию роли государства, универсализму/партикуляризму – наиболее важным критериям). Хотя при этом можно отметить, что Республика Беларусь за последнее десятилетие сделала огромный прорыв на пути к рыночному менталитету. Следует сделать вывод, что хозяйственная культура белорусов, в принципе, допускает освоение нами рыночного хозяйства, но только не в классической "западной" версии. Действительно, здесь есть собственные "социально-институциональные накопления", отличные от других. И в этом нет никакого противоречия исторического развития – собственный велосипед истории надо изобретать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага светапогляду / І. Абдзіраловіч. – Минск: Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
2. Коршук А. Ключавыя каштоўнасці беларускай культуры / А. Коршук // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. - № 8. – С. 22-28.
3. Кириенко В.В. Менталитет как социологическая категория: предметное поле, структура, функции / В.В. Кириенко // Социология. – 2009. - № 3. – С. 85-97.
4. Кириенко В.В. Менталитет современных белорусов (социологический анализ): дис. док-ра социологических наук 22.00.06 / В.В. Кириенко. – Минск, 2007. – С. 25-32.
5. Кириенко В.В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы / Кириенко В.В. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2009. – 319 с.
6. Мельников А. П. Национальный менталитет белорусов / А.П. Мельников. – Мн: Право и экономика, 2005. – С. 1-95.
7. Чернявская, Ю. Белорусское самосознание: парадокс как путь к генеалогии / Ю. Чернявская // Всемирная литература. – 2008. – № 4. – С. 195–206.
8. Чернявская, Ю.В. Белорусы. От «тутэйшых» – к нации / Под общ. ред. А.Е. Тараса. – Минск: ФУАинформ, 2010. – С. 67-71.
9. Ширшов И.Е. Проблема синтеза восточнославянского и средневропейского менталитета / И.Е. Ширшов // Менталитет восточных славян: история, современность, перспективы: материалы Междунар. науч. конф., Гомель, 27-28 окт. 1999 г. / Редкол.: В.В. Кириенко [и др.]. – Гомель. - 1999. – С. 71-73.
10. Аузан А.А. Культурные факторы модернизации / А.А. Аузан, А.Н. Архангельский, П.С. Лунгин. – СПб: Фонд “стратегия 2020”, 2011. - С. 3-11.
11. Беянин А. Дэниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) / А. Беянин // Вопросы экономики. - 2003. - № 4. – С. 4-23.
12. Близняк Р.З. Социокультурные детерминанты политического властвования / Р.З. Близняк // Проблемы политической трансформации и модернизации России. — М., 2001. - С. 149-168.
13. Богданович А.Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: этнографический очерк / А. Е. Богданович. – Гродно, 1895. – С. 3-25.

14. Большаков И.А. Политическая культура, неформальные институты и стабильность системы // Власть. - 2011. - № 2. – С. 70-73.
15. Гачев Г. Национальные образцы мира / Г. Гачев // Вопросы литературы. – 1987. - № 10. – С. 156-191.
16. Дегтярева С.В. Становление институциональной системы экономики и институциональные изменения / С.В. Дегтярева // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Выпуск 103-2. – 2006. – С. 50-55.
17. Дефорж С.Ю. Трансплантация институтов как форма становления социальной рыночной экономики / С.Ю. Дефорж, И.А. Дмитриев // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Выпуск 31-1. – 2007. – С. 167-171.
18. Емельяненко Т.В. Методы межкультурных исследований ценностей / Т.В. Емельяненко // Социология: 4М. - 1997. - № 9. - С. 32-54.
19. Кузьминов Я.И. Советская экономическая культура: наследие и пути модернизации / Я.И. Кузьминов // Вопросы экономики. – 1992. - № 3. – С. 44-57.
20. Кузьминов Я.И. Институты: от заимствования к выращиванию / Я.И. Кузьминов, В.В. Радаев, А.А. Яковлев, Е.Г. Ясин // Вопросы экономики. – 2005. - № 5. – С. 5-27.
21. Латова Н.В. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей / Н.В. Латова, Ю.В. Латов // Вопросы экономики. – 2008. - № 5. – С. 80-102.
22. Латова Н.В. Особенности "вестернизации" ментальности студенчества модернизирующихся стран / Н.В. Латова, Ю.В. Латов // Социологические исследования. - 2007. - № 11. - С. 90-98.
23. Латова Н.В. Российская экономическая ментальность на мировом фоне / Н.В. Латова, Ю.В. Латов // Общественные науки и современность. - 2001. - № 4. – С. 21-43.
24. Латов Ю.В. Экономическая ментальность как неформальный институт российской экономики / Ю.В. Латов, Н.В. Латова // Постсоветский институционализм. – 2005. – С. 347-374.
25. Либман А.М. Институциональная конкуренция и постсоветская трансформация (влияние неформальных институтов) / А.М. Либман // Общественные науки и современность. - 2006. - № 3. - С. 53-64.
26. Малый И.Й. Институциональные деформации в трансплантационной экономике / И.Й. Малый // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Выпуск 31-1. – 2007. – С. 32-37.
27. Наумов А.И. Влияние национальной культуры на управление бизнесом / А. И. Наумов // Менеджмент. - 1996. - № 3. - С. 70-103.

28. Олейник А.Н. Издержки и перспективы реформ в России: институциональный подход / А.Н. Олейник // Мировая экономика и международные отношения. - 1998. - № 1. – С. 18-28.
29. Олейник А.Н. Институциональная экономика: учебник / под общ. ред. А.Н. Олейника. – Москва: ИНФРА-М, 2005. – С. 702.
30. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений: учебное пособие / З.В. Сикевич. – Москва: “СПб”, 1999. – С. 137-152.
31. Тевено Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук / Л. Тевено // Институциональная экономика: учебник / Под общ. ред. А. Олейника. – М.: ИНФРА-М, 2005. – Гл. 1.2. - С. 83.
32. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. – Москва: “Фонд экономической книги «НАЧАЛА»”, 1997. – 188 с.
33. Тромпенаарс Ф. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер / Пер. с англ. Е.П. Самсонов. – Минск: ООО «Попурри», 2004. – 528 с.
34. Trompenaars A. The Seven Cultures of Capitalism / A.Trompenaars, Ch. Hampden-Turner. – New-York: “Doubleday”, 1993. – 262 p.
35. Карако П.С. Природа и человек в творчестве Гусовского / П.С. Карако [Электронный доступ]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/8605/1/01%20%D0%9A%D0%90%D0%A0%D0%90%D0%9A%D0%9E.pdf>. – Дата доступа: 16.11.2012.
36. Лин Дм. Традиционная белорусская семья в исследованиях М.В. Довнар-Запольского и ее трансформации в XX столетии / Дм. Лин, В. Лебедева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gsu.by/pages/Dounar-Zapolski/%D0%97%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%96%D0%BA-7.htm>. – Дата доступа: 18.11.2012.
37. Артемова В.Г. Ментальность русского народа: традиции и эволюция / В.Г. Артемова, Я.В. Филиппова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_2%2810%29/1.pdf – Дата доступа: 06.03.2012.
38. Институты-правила: понятие, значение и виды. Понятие и значение институтов-правил [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://institutional.narod.ru/skorobogatov/theme2.pdf> - Дата доступа: 16.02.2012.

39. Латов Ю.В. Экономическая ментальность россиян / Ю.В. Латов, Н.В. Латова, Т.С. Вукулова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/db/msg/115492.html>. – Дата доступа: 06.03.2012.
40. Шенкао М.А. Изучение ментальностей во французской школе “Анналы” / М.А. Шенкао [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.terrahumana.ru/arhiv/09_01/09_01_05.pdf – Дата доступа: 06.03.2012.
41. Шенкао М.А. Основы философской танатологии. Понятие «ментальность» в работах российских авторов / М.А. Шенкао [Электронный ресурс]. – Режим доступа: society.polbu.ru/shenkao.../ch03_i.html - Дата доступа: 06.03.2012.
42. Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России? / Е. Ясин // с. 295 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://razdatok.narod.ru/magistr/democrasy.pdf> - Дата доступа: 16.02.2012.
43. Норт Д. Пять тезисов об институциональных изменениях / Д. Норт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://research.by/pdf/1999n4r01.pdf> - Дата доступа: 16.01.2012.
44. Dimitri A. Formal Weakness and Informal Strenght / A. Dimitri [Electronic resource]. - Mode of access: <http://eprints.lse.ac.uk/5683/1/sotiropoulos16.pdf>- Date of access: 06.03.2012.
45. Fernandez D.R Hofstede’s country classification 25 years later / D.R. Fernandez, D.S. Carlson, L.P. Stepina, S.D. Nicholson [Electronic resource]. - Mode of access: http://www.javvo.com/courses/Lerche_Charles/CCM/course/lessons/02-culture-an_overivew/Hofstede%2025%20later.pdf- Date of access: 06.03.2012.
46. Helmke G. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda / G. Helmke, S. Levitsky [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.oecd.org/dataoecd/52/23/37791245.pdf> - Date of access: 14.02.2012.
47. Hofstede G. Cultures And Organization – Software of the Mind / Hofstede G. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://westwood.wikispaces.com/file/view/Hofstede.pdf> - Date of access: 30.11.2012.
48. Hofstede G. VSM 94 / G. Hofstede [Electronic resource]. — Mode of access: www.geerthofstede.com/.../manualvsm08.d. - Date of access: 30.11.2012
49. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations / G. Hofstede // pp. 209-212 [Electronic resource]. — Mode of access:

http://www.javvo.com/courses/Lerche_Charles/CCM/course/lessons/02-culture-an_overivew/Hofstede%2025%20later.pdf - Date of access: 30.11.2012.

50. Sawyer R. Keith Durkheim'm Dillema: Toward a Sociology of Emergence / R. Keith Sawyer [Electronic resource]. – Mode of access: http://artsci.wustl.edu/~ksawyer/PDFs/81_verview.pdf- Date of access: 06.03.2012.

51. Schwartz S.H. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different / S.H Schwartz, G. Melech, A. Lehmann, S. Burgess, M. Harris, V. Owens [Electronic resource]. - Mode of access: <http://segr-did2.fmag.unict.it/Allegati/convegno%207-8-10-05/Schwartzpaper.pdf> - Date of access: 28.02.2012.

52. Shikida Claudio D Why Some States Fail: The Role of Culture / Claudio D. Shikida, Ari Francisco de Araujo Jr, Pedro H. C. Sant'Anna // pp. 1-3 [Electronic resource]. - Mode of access: <http://www.cato.org/pubs/journal/cj31n1/cj31n1-3.pdf>- Date of access: 06.03.2012.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Уважаемый респондент!

Пожалуйста, подумайте об идеальной работе, игнорируя Вашу нынешнюю работу, если она у Вас есть. При выборе идеальной работы, как важно было бы, чтобы Вы ... (отметьте один ответ в каждой строке по горизонтали):

- 1 = очень важно
- 2 = достаточно важно
- 3 = более или менее важно
- 4 = немного важно
- 5 = неважно совсем

1. имели достаточно времени на личную жизнь	1	2	3	4	5
2. имели хорошие рабочие условия (вентиляция, освещение и т.д.)	1	2	3	4	5
3. имели хорошие взаимоотношения с Вашим руководителем	1	2	3	4	5
4. имели гарантию трудоустройства (устойчивый контракт и т.д.)	1	2	3	4	5
5. работали с людьми, которые хорошо взаимодействуют друг с другом	1	2	3	4	5
6. были осведомлены Вашим начальником о его/ее решениях	1	2	3	4	5
7. имели возможность продвижения в карьере	1	2	3	4	5
8. имели элемент разнообразия и приключений (риска) в Вашей работе	1	2	3	4	5

В Вашей частной жизни, насколько важно следующее (отметьте один ответ в каждой строке по горизонтали):

9. личная устойчивость и стабильность	1	2	3	4	5
10. достаток	1	2	3	4	5
11. упорство и достижение успеха	1	2	3	4	5
12. уважение традиций	1	2	3	4	5

13. Как часто Вы нервничаете или чувствуете себя напряженным на работе?

1. никогда
2. редко
3. иногда
4. обычно
5. всегда

14. Как часто, согласно Вашему опыту, подчиненные боятся выразить несогласие со своим начальством?

1. никогда
2. редко
3. иногда
4. обычно
5. всегда

С какими следующими утверждениями Вы согласны или не согласны?

- 1 = абсолютно согласен
2 = согласен
3 = согласен в определенной степени
4 = не согласен
5 = абсолютно не согласен

15. Большинству людей можно доверять

1 2 3 4 5

16. Можно быть хорошим руководителем, не имея четких ответов на большинство вопросов подчиненных

1 2 3 4 5

17. Нужно избегать организационных структур, в которых у каждого подчиненного есть два начальника

1 2 3 4 5

18. Конкуренция между сотрудниками обычно приносит больше вреда, чем пользы

1 2 3 4 5

19. Правила организации не должны быть нарушены, даже если сотрудник действует в ее интересах

1 2 3 4 5

20. Если люди неудачливы в жизни, это в большинстве случаев их вина

1 2 3 4 5

Некоторая информация о Вас (для статистических целей):

Ваш пол:

1. Мужской
2. Женский

Ваш возраст:

1. 15-24
2. 25-35
3. 36-45
4. 46-55

5. 56 и выше

Трудоустройство:

1. Студент/школьник;
2. Специалист со средним образованием;
3. Специалист с высшим образованием;
4. Частный предприниматель;
5. Руководитель (организации, отдела и т.д.);
6. Временно безработный;
7. Государственный служащий (чиновник, работа в государственных органах);

Спасибо за участие!

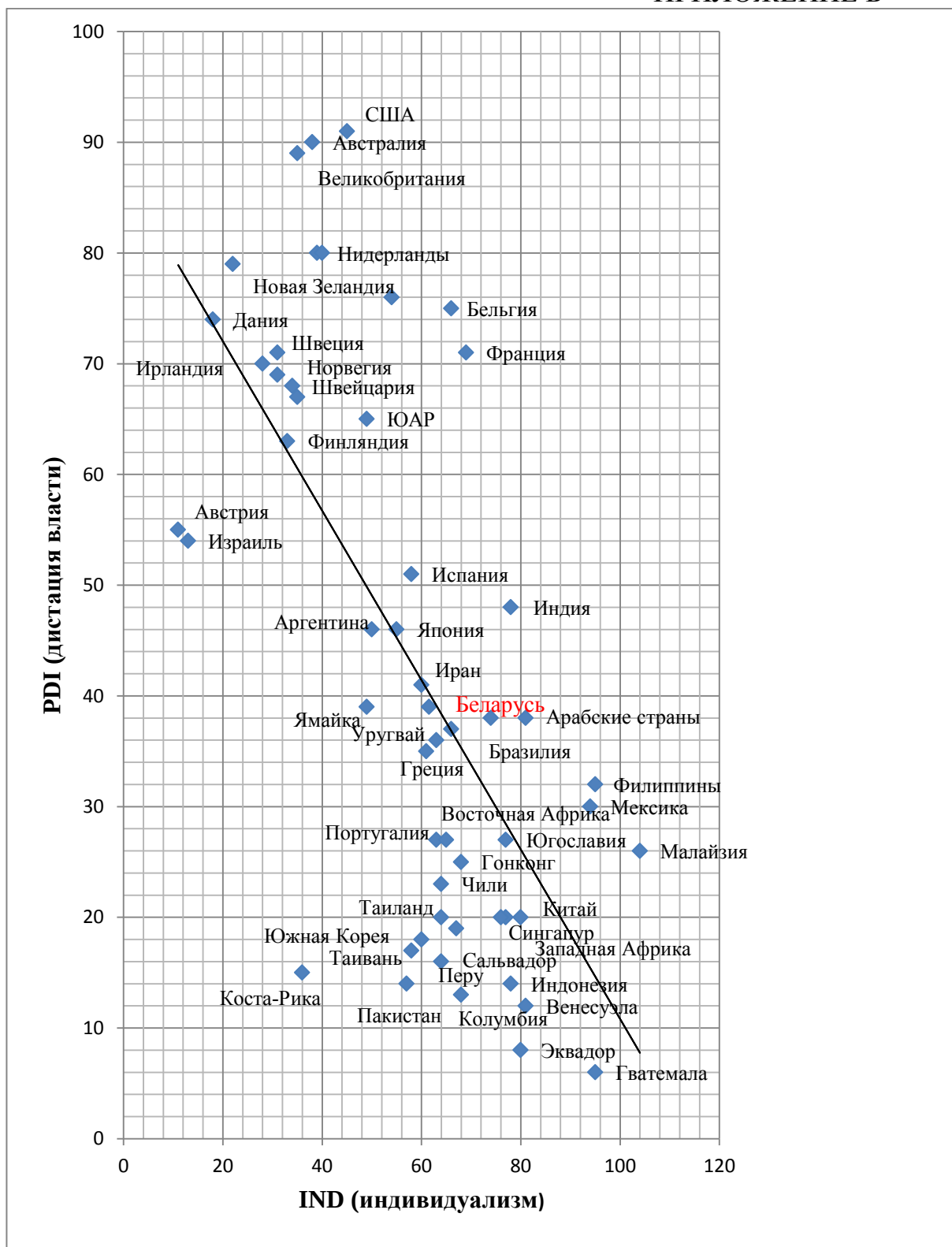

Рисунок Б.1 – Корреляция между рангами дистанция власти и индивидуализм в различных странах

Примечание - Источник: собственная разработка

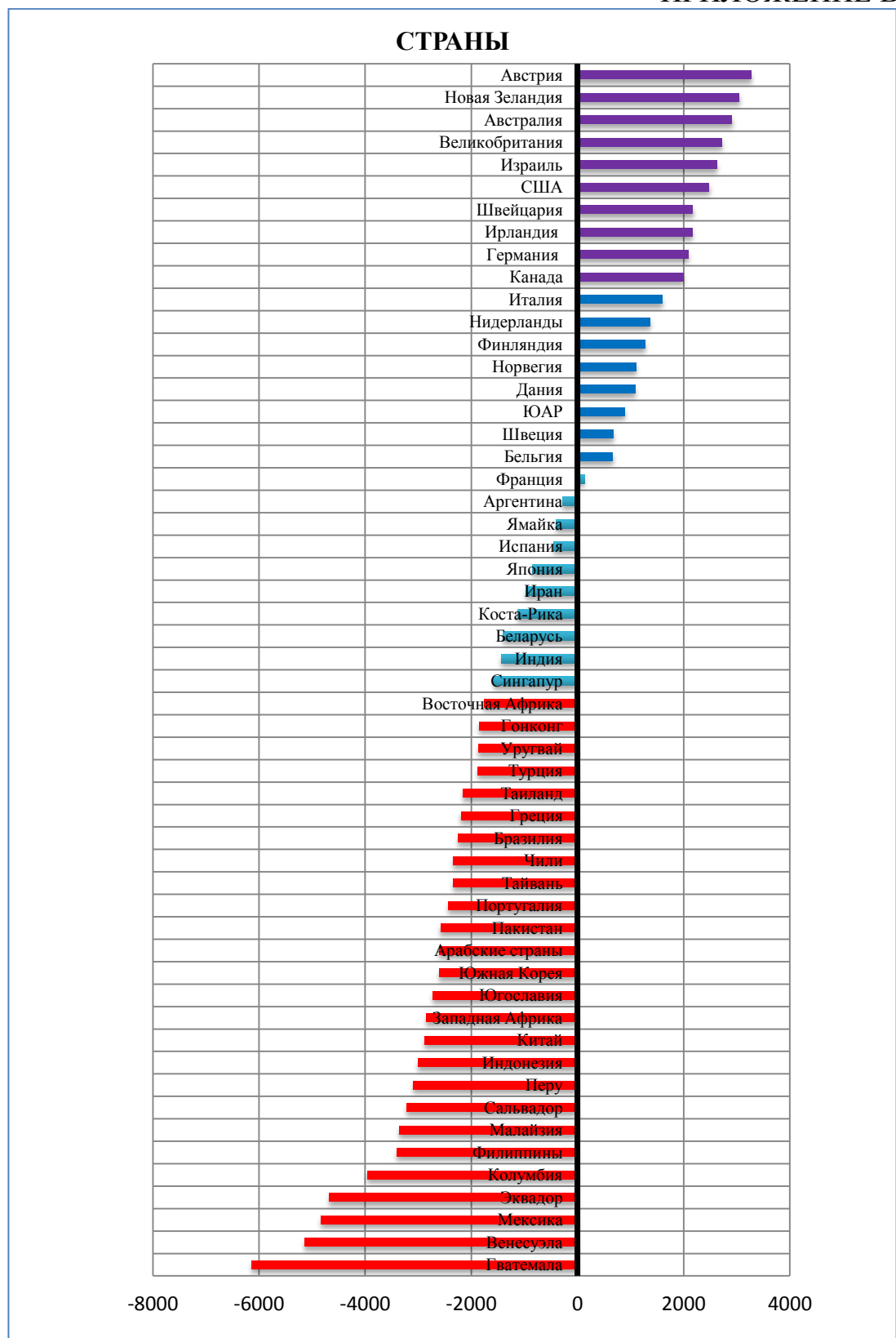

Рисунок В.1 - Группировка стран согласно измерениям по методике Хофстеда

Примечание - Источник: собственная разработка

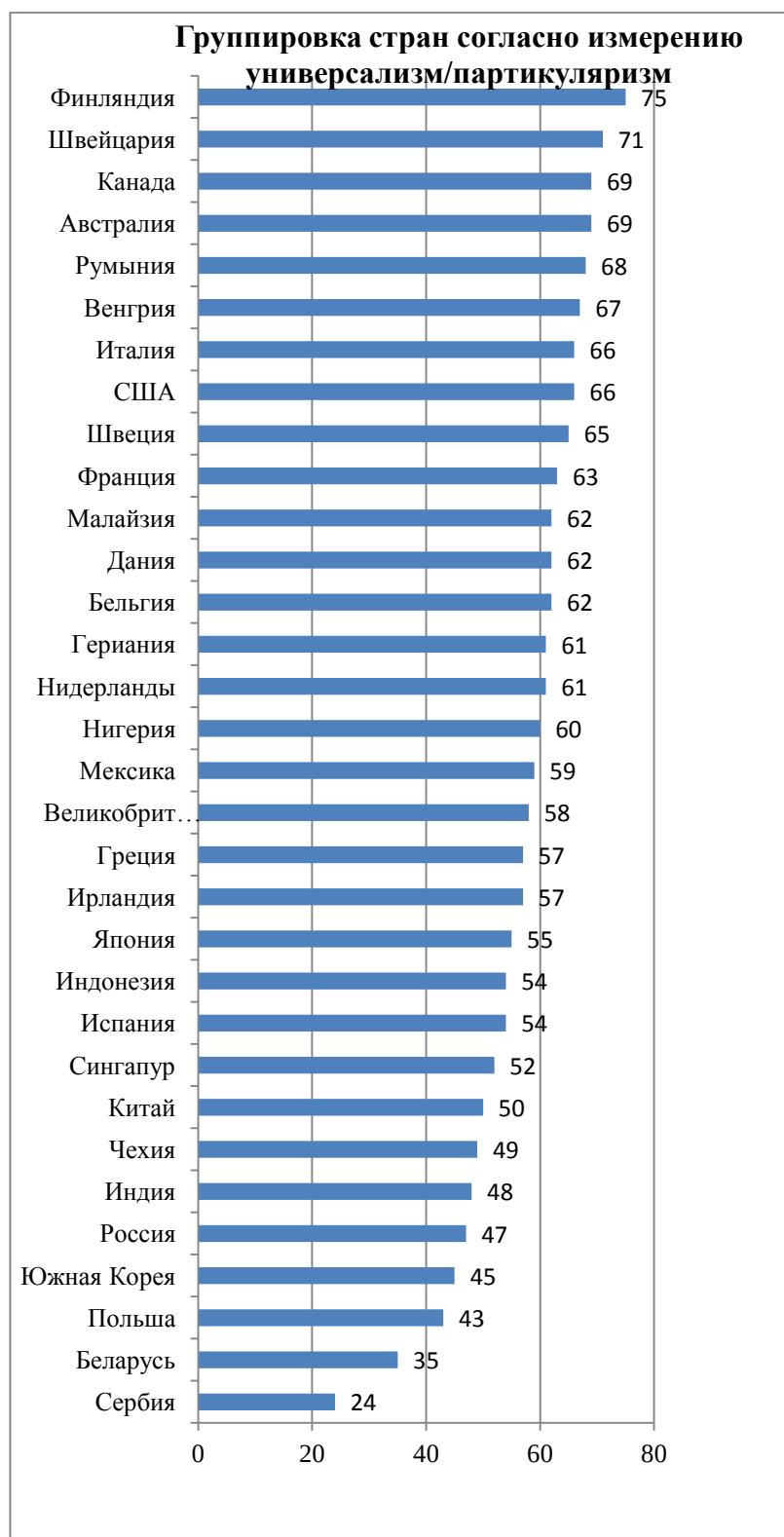
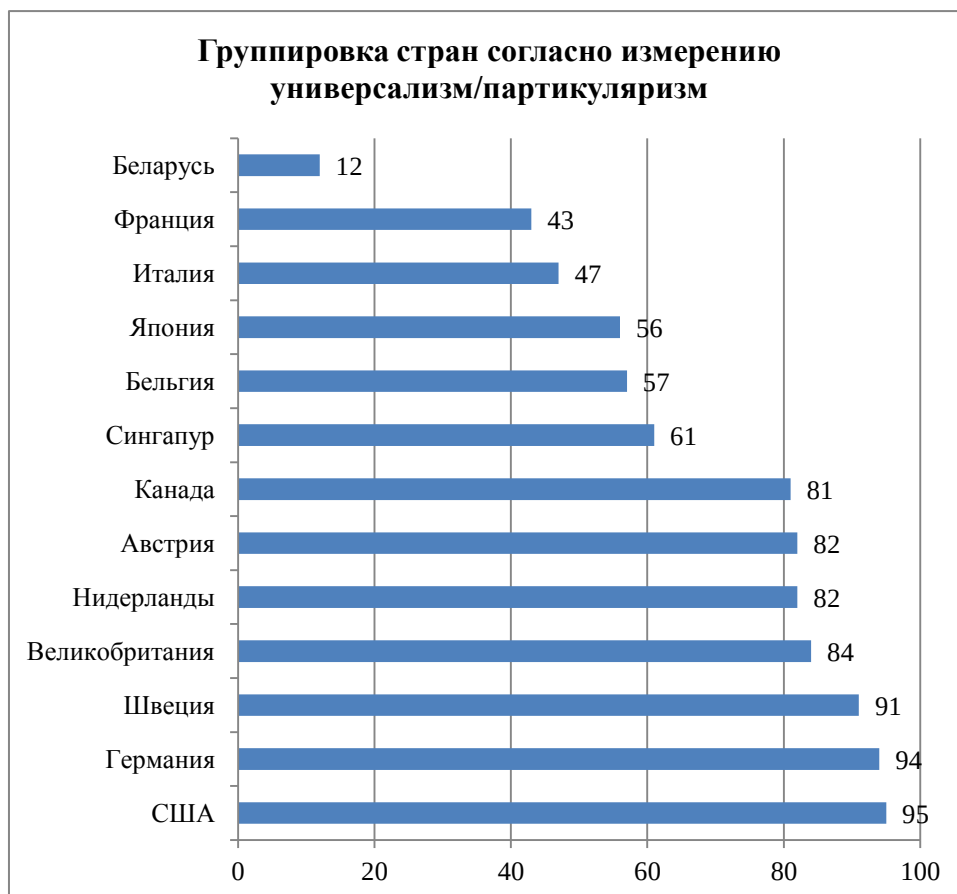

Рисунок Г.1 - Процентная доля респондентов, которые откажут в помощи другу

Примечание - Источник: разработка автора, на основе проведенного опроса и данных, полученных Тромпенаарсом [33, с. 83]

**Рисунок Г.2 - Процентная доля респондентов, которые не стали бы
помогать своему сотруднику**

Источник: разработка автора, на основе проведенного опроса и данных,
полученных Тромпенаарсом [34, р. 23]

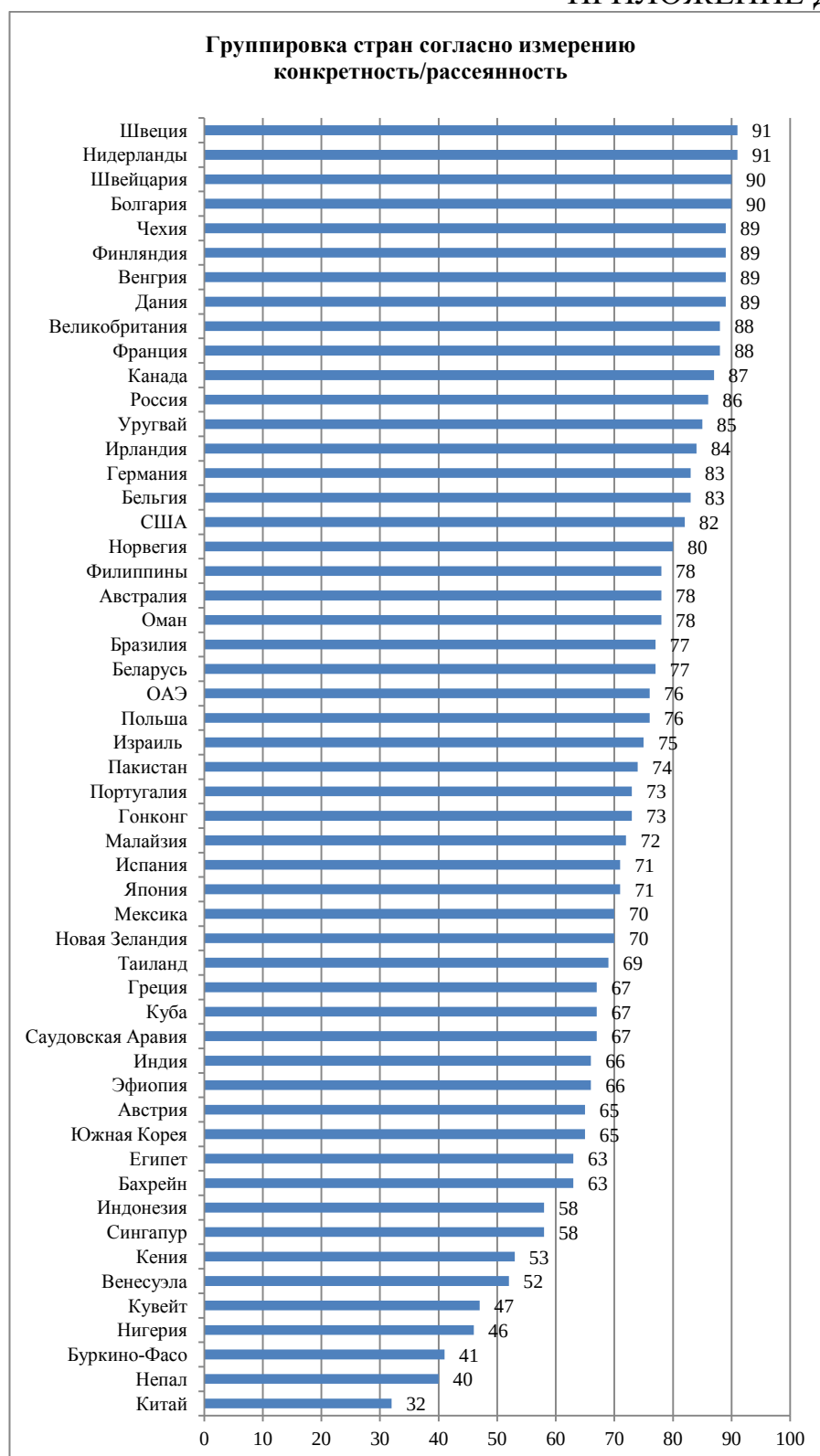

Рисунок Д.1 - Процентная доля респондентов, которые не согласились бы красить дом начальника

Примечание - Источник: разработка автора, на основе проведенного опроса и данных, полученных Тромпенаарсом [33, с. 183]

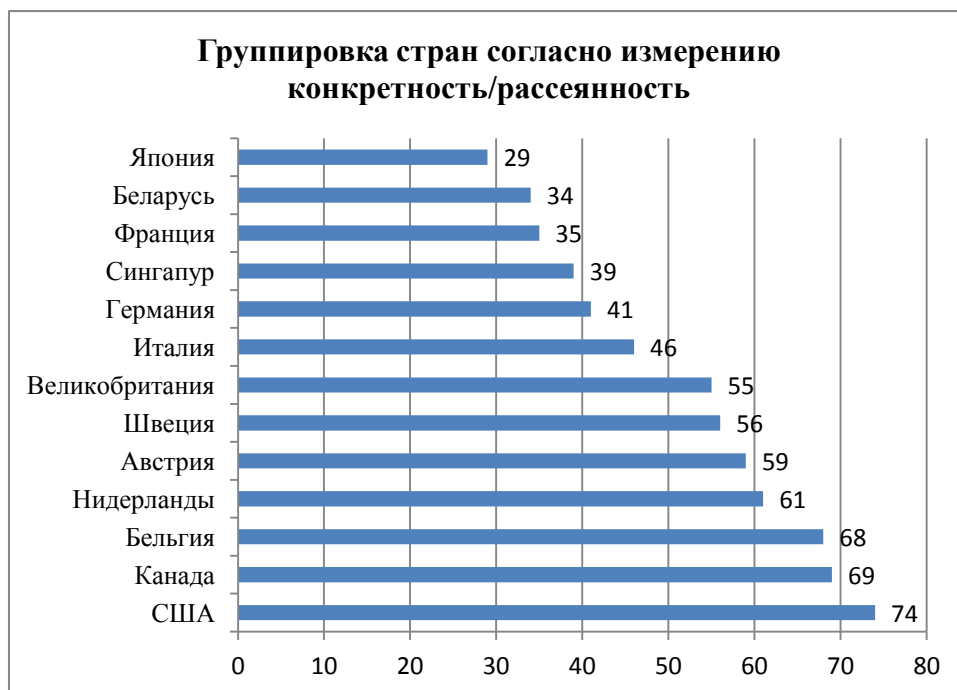

Рисунок Д.2 - Процентная доля респондентов, которые считают, что компания – это система, для выполнения определенных функций

Примечание - Источник: разработка автора, на основе проведенного опроса и данных, полученных Тромпенаарсом [34, р. 32]

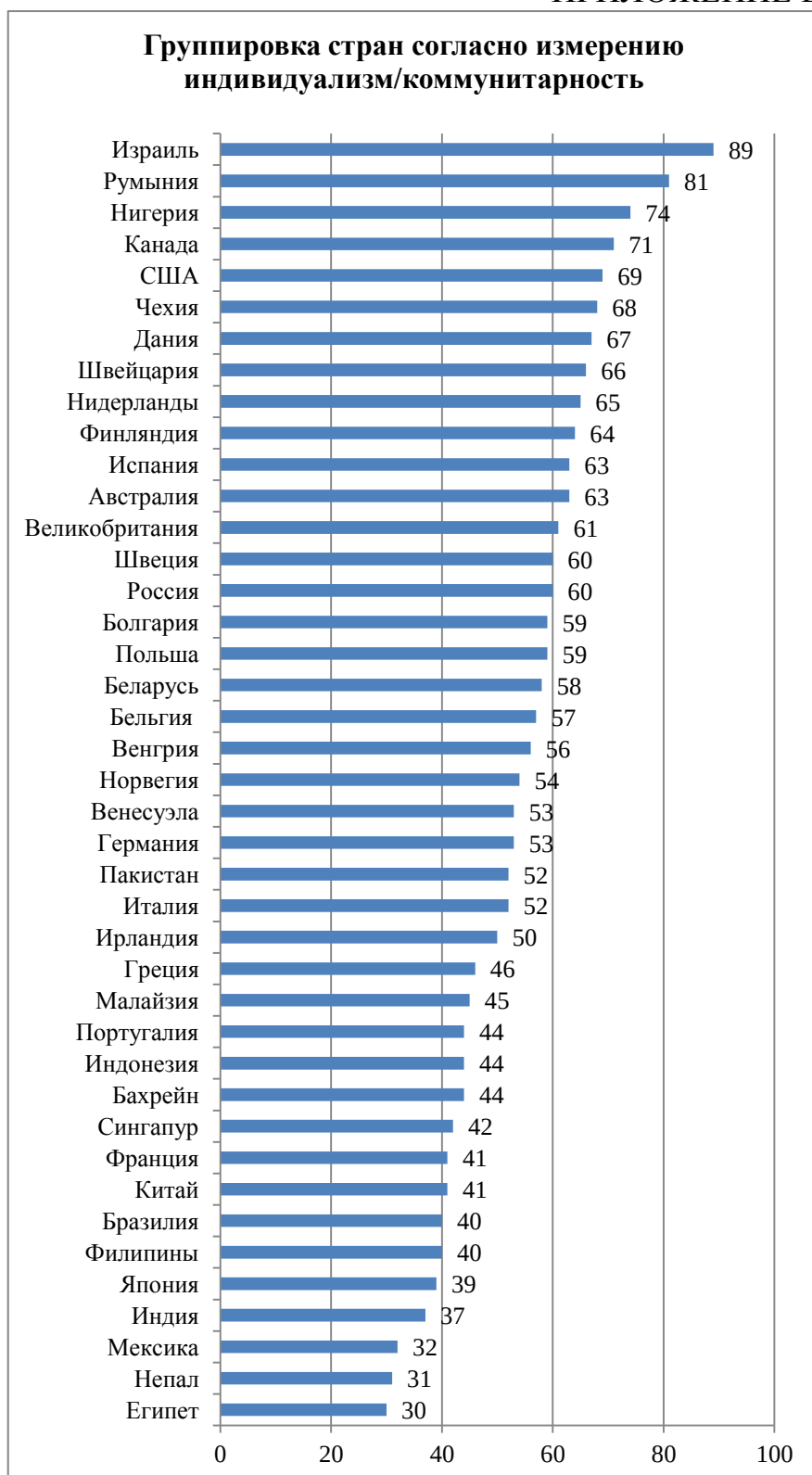

Рисунок Е.1 - Процентная доля респондентов, которые отдали предпочтение индивидуальной свободе

Примечание - Источник: разработка автора, на основе проведенного опроса и данных, полученных Тромпенаарсом [33, с. 111]

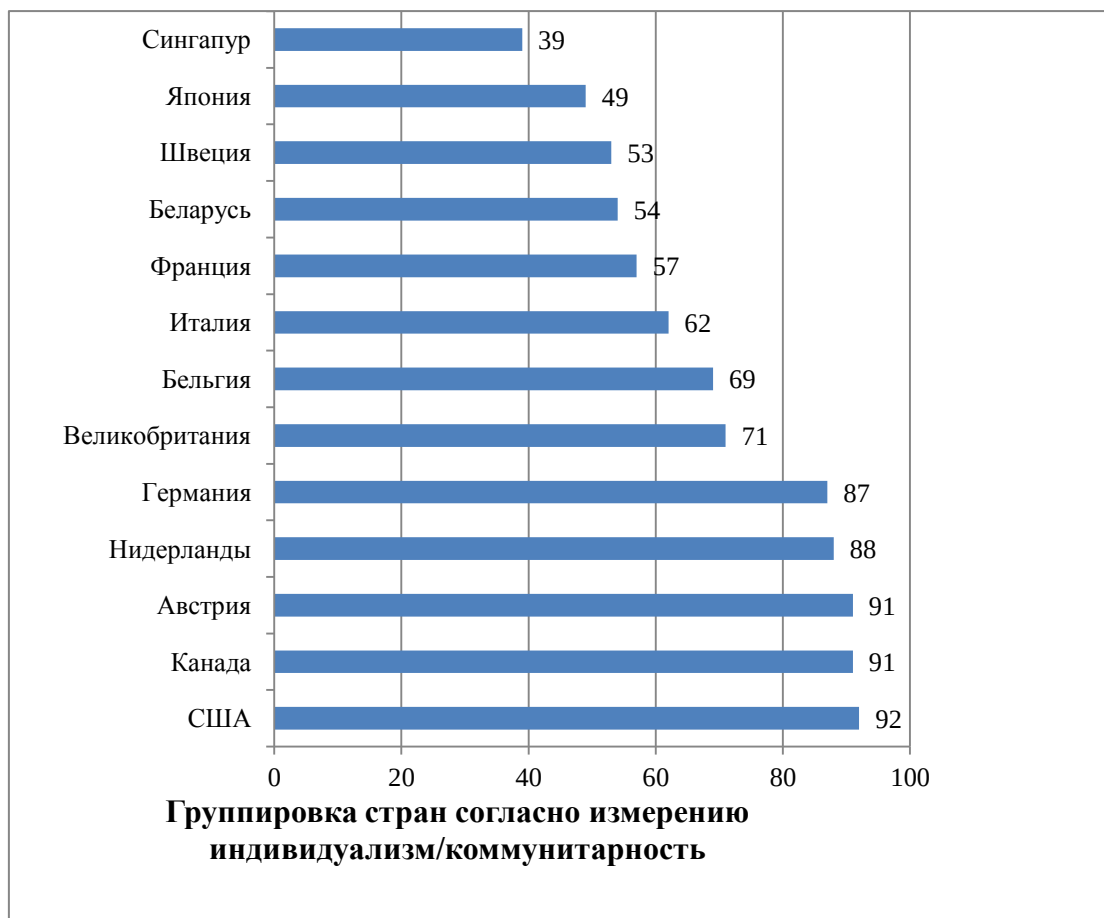

Рисунок Е.2 - Процентная доля респондентов, которые отдали предпочтение личным навыкам и способностям

Примечание - Источник: разработка автора, на основе проведенного опроса и данных, полученных Тромпенаарсом [34, р. 56]

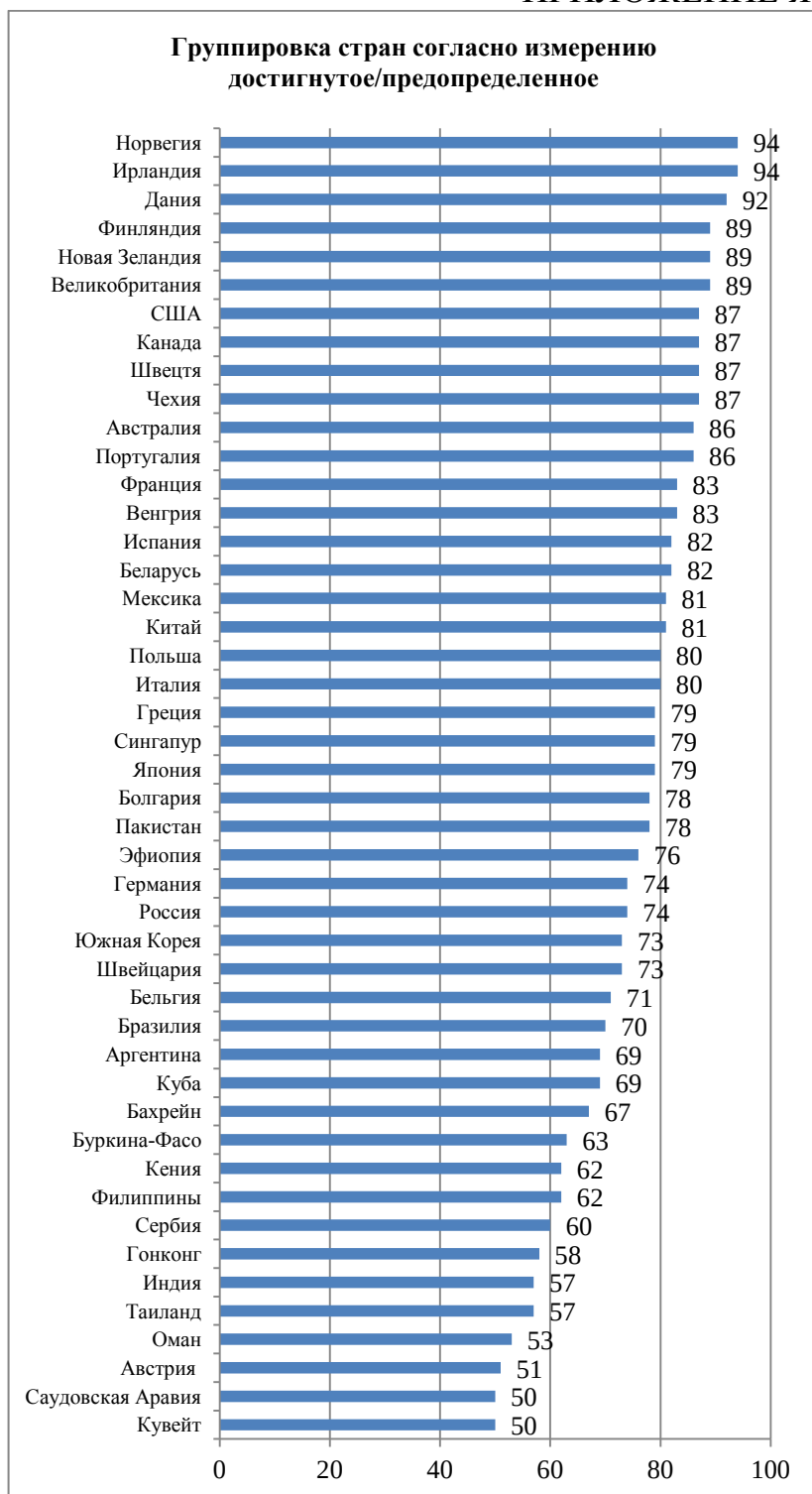

Рисунок Ж.1 - Процентная доля респондентов, которые отдают предпочтение личным достижениям

Примечание - Источник: разработка автора, на основе проведенного опроса и данных, полученных Тромпенаарсом [33, с. 216]

ПРИЛОЖЕНИЕ И

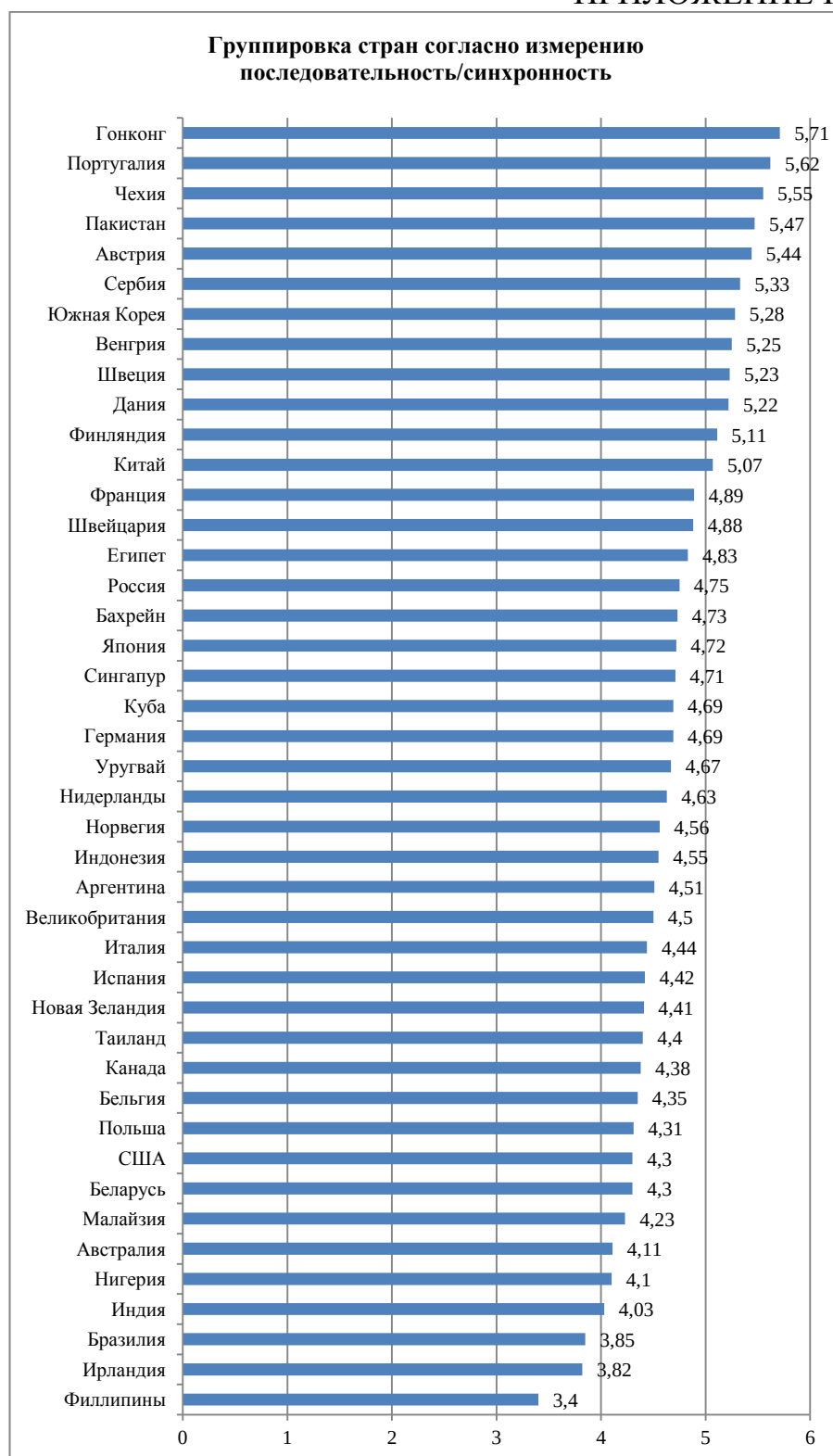
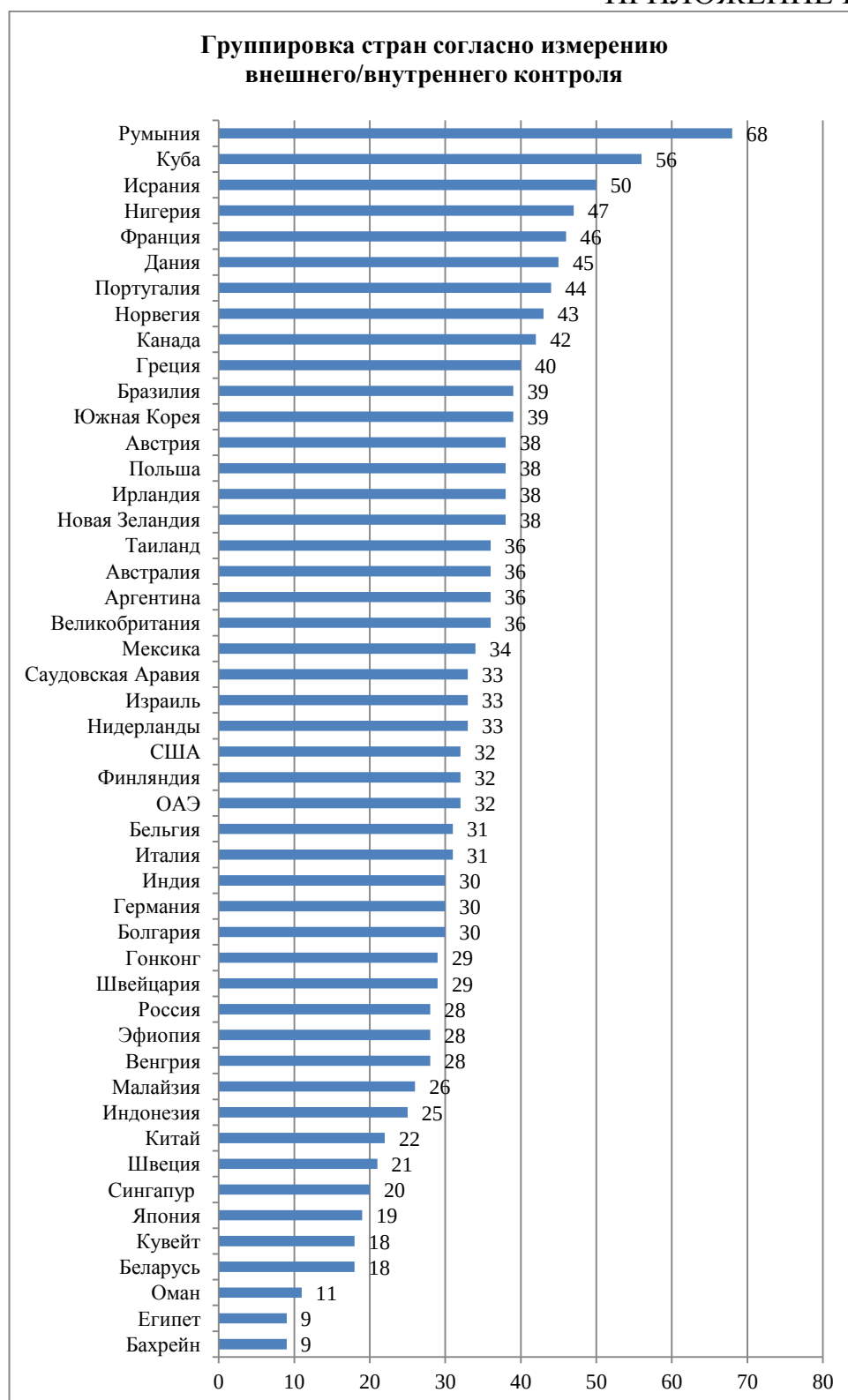

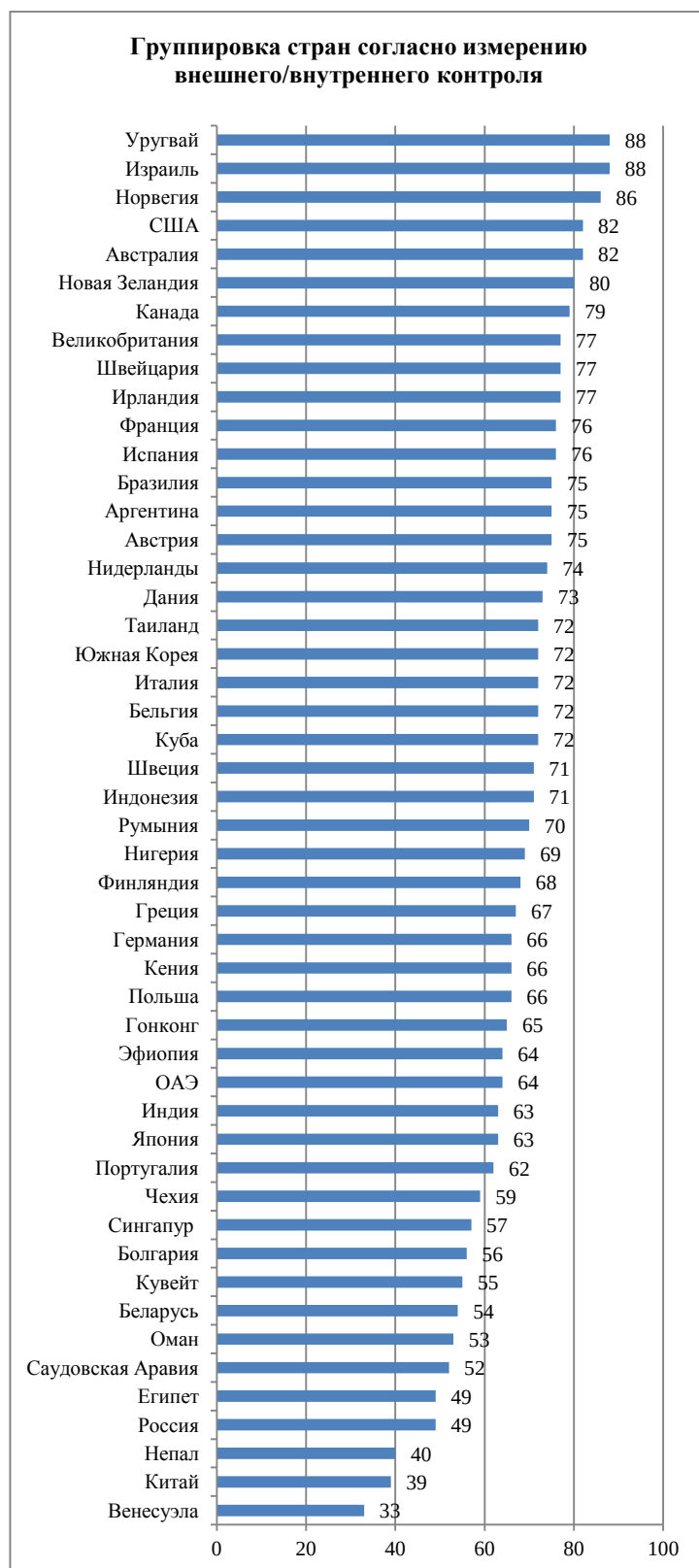
Рисунок И.1 - Временной горизонт: краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный

Примечание - Источник: разработка автора, на основе проведенного опроса и данных, полученных Тромпенаарсом [33, с. 263]

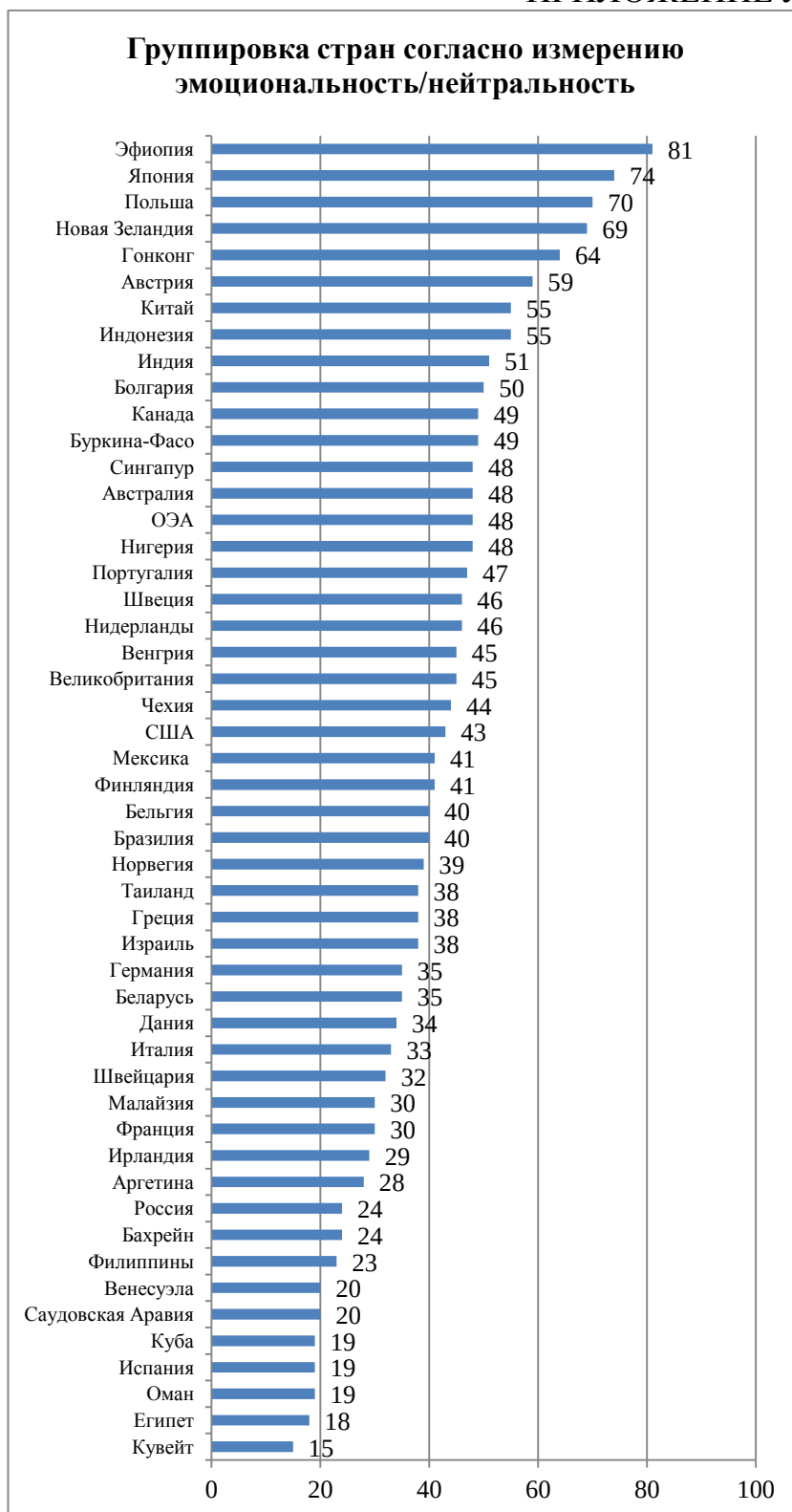
**Рисунок К.1 - Процентная доля респондентов, которые полагают, что
стоит попытаться взять контроль над природой**

Примечание - Источник: разработка автора, на основе проведенного опроса и данных, полученных Тромпенаарсом [33, с. 293]

**Рисунок К.2 - Процентная доля респондентов, которые полагают, что
происходящее с ними зависит от них самих**

Примечание - Источник: разработка автора, на основе проведенного опроса и данных, полученных Тромпенаарсом [33, с. 295]

**Рисунок Л.1 - Процентная доля респондентов, которые не стали бы открыто
выражать свои эмоции**

Источник: разработка автора, на основе проведенного опроса и данных, полученных Тромпенаарсом [33, с. 147]

1 блок

1) Выберите выражение, которое в наибольшей степени импонирует Вам:

- а) 1. Богу молись, а своего ума держись;
- 2. На счастье надейся, а сам не плошай;
- 3. Что ни делается - все к лучшему;
- 4. Кто живет тихо - не увидит лиха;
- б) 1. Терпение и труд - все перетрут;
- 2. Живи, ни о чем не тужи, проживешь - авось еще наживешь;
- в) 1. Дружба - дружбой, а денежки врозь;
- 2. С родной земли - умри, не сходи;
- 3. Не пойман - не вор, а что взято, то и свято;
- 4. Заработанный ломоть лучше краденного каравая;

2) С чем у вас ассоциируется понятие “собственность”:

- 1) Со свободным потреблением;
- 2) С возможностью получения дохода;
- 3) Свой вариант ответа;

- г) 1. Доброе дело пуще дубины;
- 2. Не бить, так и добра не видать;

2 блок

Подходят ли Вам данные утверждения (да/нет/затрудняюсь ответить)

- 1. Люди должны делать то, что говорят. Люди всегда должны следовать правилам, даже если никто за этим не следит.
- 2. Традиции нужно ценить. Старое лучше нового.
- 3. Риск – необходимая составляющая жизни. Рисковать надо.
- 4. Важно придумывать что-то новое и подходить ко всему творчески. Нравится все делать своим, оригинальным способом.
- 5. Важно принимать свои решения.
- 6. Государство должно заботиться о своих гражданах, брать на себя часть ответственности.
- 7. В основе мотива поведение человека должна лежать в первую очередь собственная выгода и удовлетворение своих потребностей.

Возраст:

Место работы:

- 8. Студент;
- 9. Специалист со средним образованием;
- 10. Специалист с высшим образованием;
- 11. Частный предприниматель;
- 12. Руководитель (организации, отдела и т.д.);
- 13. Временно безработный.

Авторы:

Пётр Сергеевич Лемещенко, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики БГУ, доктор экономических наук, профессор;
Александра Михайловна Сидорова, научный сотрудник «Белорусского института системного анализа и информационного обеспечения научно-технической сферы, соискатель степени магистра экономических наук в БГУ.

Научное издание

Лемещенко Петр Сергеевич
Сидорова Александра Михайловна

Неформальные институты и рыночная реформа в Республике Беларусь: эволюция, противоречия, стратегия

Редактор *А.К. Кострицкая*
Компьютерная верстка *Е.М. Товчковой*
Корректор *М.И. Плотницкий*

Подписано в печать 20.08.2013. Формат 60*84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура SchoolBook. Усл.-печ. Л. 6,2. Уч.-изд. л. 6,6.
Тираж 300. Заказ

ООО «Мисанта»
ЛИ 02330/0548591 от 26.06.2009 г.
Ул. Червякова, 23, 220053, г. Минск.